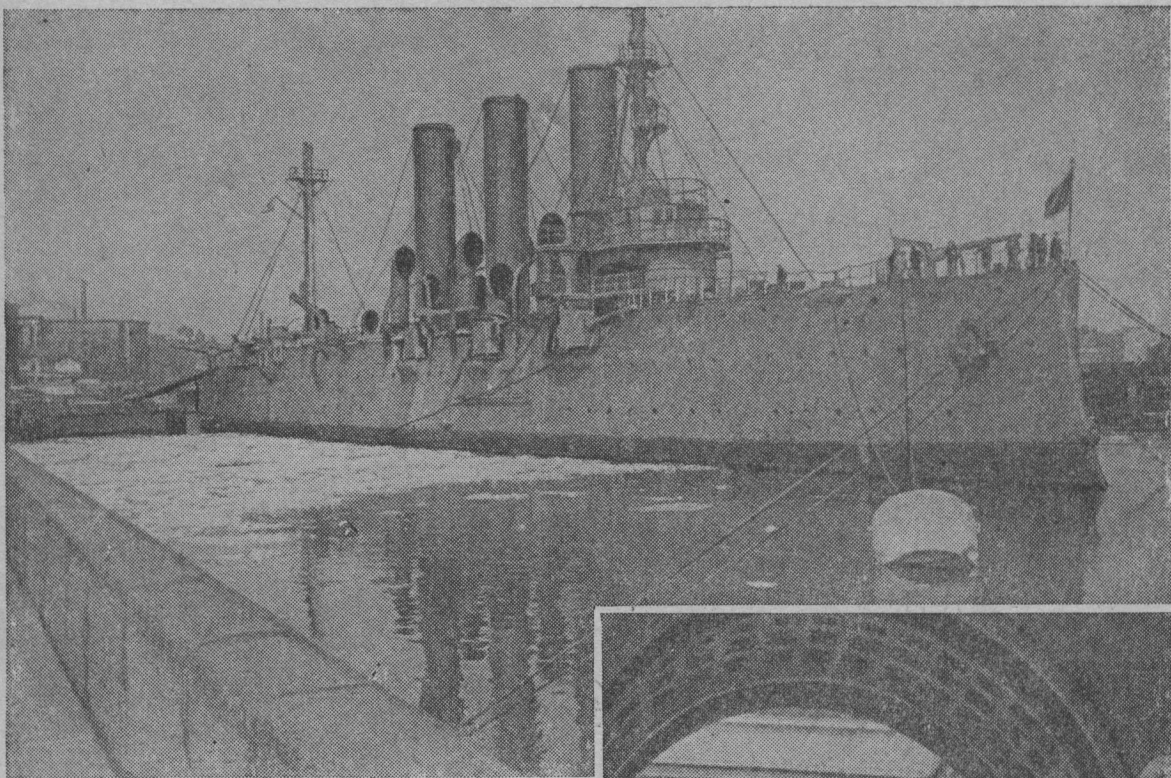

Цскорка

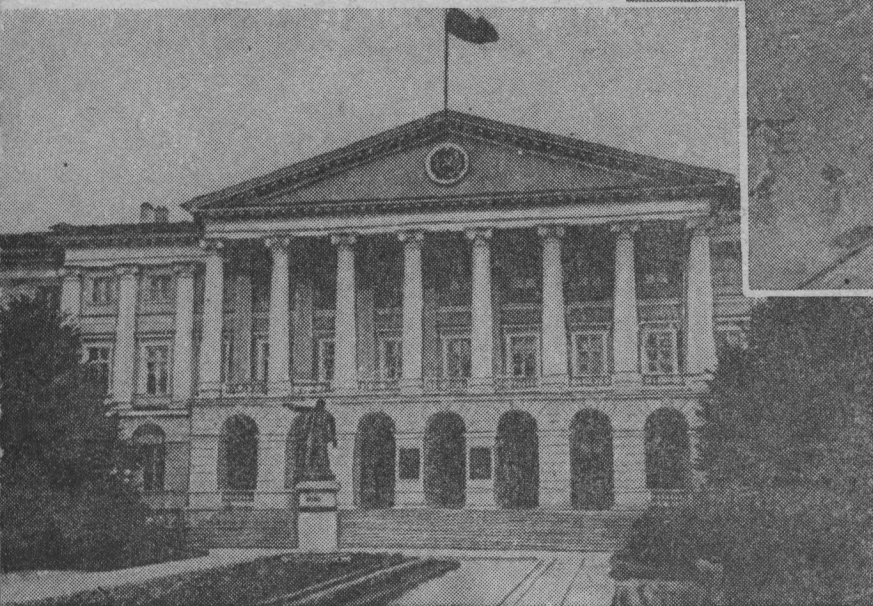
11

УЛИЦЫ и площади нашего города хранят память о событиях Великого Октября. «Аврора»... Дворцовая площадь... Смольный... Всему миру известны события, связанные с ними: исторический выстрел легендарного крейсера... Штурм Зимнего дворца... Штаб революции... Провозглашение первого в мире государства трудящихся...

Тысячи экскурсантов, приезжающих в город Ленина, останавливаются на набережной против легендарной «Авроры», любуются аркой, через которую 41 год назад устремились красногвардейцы на штурм Зимнего, посещают комнату Ленина в Смольном и другие памятные места.

На снимках: «Аврора», арка Главного штаба и Смольный.

Фото Г. Сафонова

Ежемесячное приложение к газете
пионеров и школьников
«Ленинские искры» — орган
Ленинградского Обкома и Горкома ВЛКСМ,
Областного и Городского Советов
пионерской организации имени В. И. Ленина

Ник. Кутов

ДВОРЦОВАЯ ПЛОЩАДЬ

Ветрами революции рождённая,
Вперёд штыки винтовок вынося,
Рванулась здесь к дворцу волна народная
В тот самый год, когда я родился.

Здесь Ленин обращался к поколениям,
И площадь становилась вдруг тесна,
И слушала знакомый голос Ленина,
Как будто голос времени она.

Потом по этой площади мальчишкою
Я, думая о радостной поре,
Шёл с первой прочитанною книжкою
Про то, как брали Зимний в Октябре.

Завидовал я людям тем, которые
Осенней ночью над Невой рекой
Свергали власть буржуев в этом городе
Тогда своею собственной рукой.

Здесь юность шла в шеренгах в ногу
с песнею,
Одетая в солдатскую шинель.
Окутывала площадь, всем известную,
Жестокая военная метель.

Рис. Ю. Шабанова

Добрый огонь

(Рассказ рабочего Кировского завода Героя Социалистического Труда В. Я. КАРАСЕВА)

ПЕРВЫЕ ИСКОРКИ

ЖИЛ-БЫЛ до революции в городе Пензе мальчишка по имени Володька. И отличался от таких же, как он, сорванцов разве только тем, что больше, чем на кого-нибудь, сваливались на него разные беды и неприятности. Ну, скажем, торчит Володька в ясное зимнее утро на думовой крыше. Вдруг внизу, на мостовой, — дробный цокот копыт. У рыска хвост трубой, кучер зычно орёт встречным: «Пади! Пади!» А в пролётке развалился толстый и важный чиновник, щёки по обе стороны воротника нависли — просто смотреть противно. И — бац! — запустил Володька в эту отвратительную физиономию снежком.

А десять минут спустя извивается мальчишка под отцовской розгой. Отец у Володьки — приказчик рыбного магазина знаменитого богача Мартынова, человек, к начальству почтительный. Хлещет сына и кричит в ужасе:

— Да ты знаешь, ирод, в кого ты залепил? В самого господина губернатора Пензы!

Да, был такой случай в Володькиной жизни, когда поднял он руку на представителя высшей царской власти. Правда, случайно это вышло, но долго ходил с поднятым носом, хоть и с ноющими от порки ягодицами...

Впрочем, если вы думаете, что Володька был беспечным озорником, то глубоко ошибаетесь. Пять лет от роду лишился матери, унесла её непобедимая по тем временам болезнь — чахотка.

Потом была мачеха, с которой никак не мог ужиться, раннее недетское одиночество да тоска. Умчится на

Герой Социалистического Труда В. Я. Карасёв (средний в первом ряду) рассказывает о своей работе.

улицу — и там не легче. Почему, скажем, городской так простых мальчишек гоняет, словно все они грабители да убийцы, а генеральский сынок прошествует с гувернанткой за ручку — страж порядка просто в струнку вытягивается, расплывается в любезной улыбке?

На генеральского сынка у Володьки тоже зуб.

Это были первые искорки пламени, которое разгоралось в Володьке. Пламени борьбы — хоть и ребяческой, да непримиримой.

ПОБЕГ. «КТО ВСЕМУ ХОЗЯИН»

ДАЛЬНЕЙШИЕ события развернулись довольно необычным образом.

Стал Володька постарше, отдали его в местную церковно-приходскую школу. Сидел однажды на уроке «за-

кона божьего» и со страхом следил за отцом Водолазом — «батюшкой», который вёл урок. За что прозвали этого попа таким подводным именем, Владимир уже забыл, но водянистые его глаза и толстое брюхо помнит до сих пор. А главное — палец «батюшкин» незабываем!

Любил отец Водолаз подойти к ученику и не для наказания, а так, по рассеянности, ухватить прядку волос на голове мальчишки и накручивать её на палец. Больно, ой как больно, но пикнуть не смей — горя не оберёшься!

Приблизился «батюшка» к Володьке. Ухватил клочок волос, стал крутить... Тогда Володька выхватил из кармана «монтекристо» — игрушечный пистолет, подаренный родственником, — и ткнул в живот попу. Отец Водолаз подпрыгнул со страху и свалился на пол.

— Убили! — закричал поп. — Держите смертоубивца!

Володька метнулся к окну, вскопился на подоконник, зажмурился — под ним была двухэтажная высота — и соскочил вниз...

Минуту спустя он уже мчался по улице. Куда бежать? Не домой же — ведь там его ждала обычная порка. На вокзал!

На станции у перрона стоял эшелон с казаками. Володька сунулся к одному из вагонов. Дверь открыта, внутри — направо и налево — лоша-

ди в стойлах, хрумкают безразлично. Посередке вагона — стожок сена.

Ткнулся мальчишка в сено, залез, замаскировался, лежит, не дышит. Мыслей нет никаких. Будь что будет, а домой не вернётся!

Вдруг Володька вместе со стожком взвился в воздух, оказавшись в чьих-то могучих руках. Потом брякнулся об пол, успев заметить, что дюжий казак, поднявший этокое «живое» сено, тоже от неожиданности упал на перрон.

— Ой, лихо мне! — заголосил казак. — Чертеняку споймал! С рогами!

Потом сам же хохотал, упёршись руками в бока, над этим приключением. Человеком всё же оказался добрым. То ли поверил Володьке, что тот сирота, то ли просто понял, что мальчишке в городе оставаться нельзя, — согласился схоронить в поезде от начальства, увезти с собой.

Выгрузился эшелон в одном из прибалтийских городков, что за Ревелем на Рижском взморье. Привёл Остап Володьку к какому-то человеку в матросской форме, сказал:

— Возьми, Якум, хлопчика на воспитание. Твоя батарея на месте стоит, а я всё время в походах. Тебе сподручнее. И, вздохнув, ушёл.

Якум отвёл парнишку на береговую батарею, поселил в домике, где жила оружейная

прислуга. Упросил командира батареи поставить Володьку на довольствие. Стоя на вытыжку и чуть коверкая русские слова, объяснил офицеру:

— Дозвольте, ваше благородие, приютить человека. Отцом ему буду, папашкой, значит... Обратнo, матросам станет веселее!

Так появился у Володьки новый отец, и началась новая жизнь. Легче ли она была, чем прежняя? Наверяд ли. Видел офицерские зуботычины и матросские лица, разбитые в кровь. Сам увёртывался от затрещин, спеша выполнить команду. Слышал грустные матросские песни и тихий под них говорок:

— Из дому пишут, из деревни, — корову за налог свели со двора...

— А городским развё легче? Все стонут...

У Якума спросил однажды:

— Ты — моряк, почему на корабле не плаваешь?

Усмехнулся отец, загадочно блеснул чёрными глазами:

— Характер у меня дурной. Лезу, куда не дозволено. Вот меня с «Рюрика», с броненосного крейсера, и списали на береговую службу...

Когда Якум получал увольнительную, брал приёмного сына с собой, гуляли по городку. Кивал матрос на богатый особняк, принадлежавший какому-то барону, спрашивал:

— Думаешь, чей этот дом? Баронов? Как бы не так! Рабочие всё сделали, а он и ручек не замарал. Значит, если по-настоящему, их это дом!

Рассказывал Якум о том, что видел и узнал в далёких странствиях. О Петербурге, где живёт сам царь, о Зимнем дворце... И опять:

— Знаешь, на чём Петербург-то стоит? На рабочих костях. Когда его строили, сколько людей погибло — ужас! Да вот, возьми, Исаакий — собор там такой есть, купол ему золотили. Тоже смертей при этом было немало...

Иногда говорил, широко и мечтательно улыбаясь:

— Эх, придёт другое времечко! Такие пацаны, как ты, в школах станут учиться. В Зимнем откроем музей. И барона выгоним — рабочих в его доме поселим.

Удивлялся Володька:

— А царь-то дозволит?

— Да мы его самого, знаешь, куда?..

Ахал парнишка от таких речей. И понимал: про это надо держать язык за зубами. Якума полюбил всей душой — и за ласку и за то, что твёрдо знал: приёмный отец — человек необыкновенный. На царя замативается!

Прошло несколько лет. Из мальчишки Володька превратился в юношу. И вот тогда услышал от Якума:

— Нет, я человек простой. Только я большевик, член коммунистической партии. Теперь смекаешь, в чём дело?

РАЗГОРАЙСЯ, ПЛАМЯ, ЖГИ!

И СНОВА удивительные события. Оказался Володька на царском троне.

Как это произошло?

Великий 1917 год приближался. Ровесником века был Владимир — и ему пошёл семнадцатый. Служил он к этому времени вместе с Якумом Гайдебуллиным в Кронштадте. Только отец был на боевом корабле, а сын, юнга, учился в школе трюмных машинистов. Попросту говоря, учился на судового рабочего — узнавал слесарное, токарное и иное дело по металлу. Здесь тоже было не сладко: и карцер существовал и «во фронт» приходилось тянуться перед разными «благородиями». Одна радость была — увидеть Якума, услышать его родные, ласковые слова:

— Терпи, сынок... Скоро всё переменится! Чувешь, в Петербурге бастуют?

— Знаю... И из деревни вон юнгам пишут: усадьбу там сожгли...

— Революция идёт, понимаешь? О Ленине слышал? То-то!..

О Ленине Владимир слышал. Но Кронштадт — город военный, слухи проникали в него трудно и подчас искажённо. Зато офицеры старались — расписывали Ильича как «немецкого шпиона». Семнадцатилетнему юнге разобраться, что к чему, было нелегко.

Свершилась Февральская революция. Улучил Владимир минуту, разыскал Якума в Кронштадте:

— Папая, нас, юнгов то есть, к присяге Временному приводят! Присягать мне или как?

Смеётся отец, успокаивает:

— Ну, конечно, присягай. Как правительство-то называется? Временное? Ну, значит, кончится ему время, кончится и твоя присяга. Ой, скоро кончится! И знаешь, кто ему предел объявит? Мы, большевики! Помни это твёрдо. Сообразно и действуй.

И через несколько месяцев по приказу Центробалта (большевистской флотской организации) был создан в Кронштадте матросский десантный отряд. 22 октября погрузили его на сторожевой корабль «Коршун».

Владимир уже знает: плывут в Петроград на помощь питерским рабочим — свергать «временных». Рядом с юнгой — Якум. Ткнул пальцем в растёгнутый парнишкин бушлат, с притворной строгостью сказал:

— Застегнись, ветром прохватит. Ишь, распылался!..

А в сердце у Владимира и впрямь огонь. Добрый огонь. Конец приходит и пензенскому губернатору, и генеральскому сынку, и офицерским зуботычинам! Как в большевистской песне:

*Это есть наш последний
И решительный бой...*

И он, юнга, плывёт сейчас навстречу этому страшному, великому бою. Есть от чего распалиться!

Только вот что жалко — карабин у Владимира учебный, выкрашенный в чёрный цвет, с рассверлённым магазином. Правда, привели матросы его в порядок, заклепали дырку. Но всё-таки обидно: у всех боевые винтовки, а у него — вроде «монте-кристо», которым отца Водозла перепугал...

Высадился отряд на невской набережной, чуть ниже Николаевского моста (теперь называется он мостом лейтенанта Шмидта). Соединившись здесь с моряками Балтийского флотского полужкипажа, двинулся дальше, по Конногвардейскому бульвару (бульвару Профсоюзам), дошёл до Александровского са-

да и здесь, в виду памятника Петру Первому, стал боевым лагерем.

День проходит, другой. И нарастает в груди у юнги тревога от матросских разговоров, от далёкого рокота невидимой людской толпы. К вечеру в саду становится тихо, и эта тишина угнетает ещё больше...

25 октября — приказ сводному матросскому отряду, привезённый из Смольного, где готовит восстание штаб большевиков:

— Подготовиться к атаке на Зимний!

Вышли матросы на набережную. Ахнула залпом «Аврора». И по команде отряд рванулся вперёд — туда, где у входа в нынешний Эрмитаж залегли юнкера.

Якум с Владимиром бежали рядом. Вот уже ворвались матросы во дворец. Мчится юнга по мраморной лестнице с карабином наперевес. Вдруг бросилось в глаза: из-за ближайшей колонны целится офицер из пистолета прямо в Якума...

Не был Владимир отличным стрелком. Но, закричав от страха за отца, поднял карабин, нажал на спуск, и упал офицер, стукнувшись затылком о ступени.

А Яким уже дрался где-то впереди. Расстреляв всю обойму, добежал юнга вместе с матросами до какого-то зала. Видит у стены кресло. Сгоряча плюхнулся в него, стал поспешно перезаряжать карабин.

Дюжий матрос застопорил бег, закричал, блестя зубами:

— Ваше величество! Вот наследник-то объявился у государя императора! Наше вам низжайшее!

Оказывается, Владимир уселся впопыхах на царский трон. Ну и смеялись потом матросы, оставленные после взятия Зимнего для охраны дворца!

Якум улыбался тоже. Но сказал:

— Если вдуматься, то ничего особенного тут нет. Мы теперь хозяева России — рабочие да крестьяне. Мы и есть цари!

Зимний взяли объединёнными усилиями тысяч людей. Со всех сторон штурмовали его рабочие, красногвардейцы, солдаты, матросы. Но

юнга по молодости лет был уверен: трон «самодержца всероссийского» захватил всё-таки он!

ПОЖАР РЕВОЛЮЦИИ. ЧТО СГОРАЛО В НЁМ И ЧТО ЗАКАЛЯЛОСЬ

ЗИМНИЙ был взят, Временное правительство свергнуто, власть перешла к рабочим и крестьянам, возглавляемым Коммунистической партией. Но Великая Октябрьская революция на этом не кончилась, её пожар распространялся всё дальше, захватывая все города и сёла необъятной России.

Революцию надо было отстоять от бесчисленных врагов, наседавших на неё со всех сторон. Иностранные интервенты, белые генералы, атаманы всех мастей — сколько сил приложили они, чтобы залить кровью добрый огонь этого пожара!

Перед отправкой 1-го Экспедиционного отряда балтийских моряков на Колчаковский фронт Владимир и Якум увидели Ленина.

Ильич принял матросскую делегацию в Смольном. Якум был в составе делегации, а Володька увязался «зайцем».

Юнга стоял в ленинском кабинете, из-за спин моряков во все глаза разглядывал Ильича. Так вот какой он, вождь большевиков, вождь восставшего народа! Ростом невысокий, глаза добрые-добрые, лоб могучий, ясный. Голос вроде обыкновенный, а как же глубоко каждое слово входит в душу!

Простые слова говорил Ленин — о том, что отряд призван защищать молодую республику Советов, что большая это ответственность, но народ верит: революционные моряки никогда его не подведут.

Нервами Владимир не страдал, а тут покатились по его щекам невольные слёзы. Застыдившись, покосился на соседей — нет, не видят, ничего вокруг не видят, кроме Ильича...

Позже отряд дрался на Урале. Шли на него отборные офицерские части — такие, где ротой командовал полковник, а рядовыми солдатами были офицеры. В новеньком ан-

глийском обмундировании, с английскими пушками и пулемётами, рвались они на матросов, вооружённых плохонькими винтовками, гранатами да двумя-тремя «максимами». В плен моряков не брали, а, захватив, расправлялись тут же на месте — выкалывали глаза, вырезали звёзды на спинах.

Но сильнее мук были Ильичёвы слова, хранимые в глубине матросских сердец. С этими безмолвными словами поднимались навстречу белогвардейским цепям, героически бились и героически умирали...

В бою под станцией Платина осиротел Владимир. Ударил офицерская пуля в грудь большевика Якума. Умирая на руках у юнги, ничего

не сказал, только смотрел потухающими глазами в лицо приёмного сына, тяжелея с каждой минутой. Не увидели эти глаза того, о чём мечталось в далёком прибалтийском городке на береговой батарее: дома, где живут те, кто их строил, мальчишек, бегущих в новую школу...

Схоронив отца в мёрзлой зимней земле — могилу матросы выкопали штыками, — снова вернулся Володя в отряд. Дружкам печально сказал:

— Отчество теперь у меня есть: Якумович. В память об отце...

Через несколько дней вслушивался в слова отрядного комиссара Дулина:

— Завтра у нас праздник, смекаете? Первая годовщина Октября! По-

дарок Родине вот какой сделаем — отобьём у беляков станцию. У нас и патронов в обрез, и бушлаты прохудились, и жрать нечего, а всё-таки возьмём! Или, может, я ошибаюсь?

Взяли матросы станцию. Падали без стопа, добывая народу октябрьский подарок, крушили рукопашной офицеров, рвали гранатами вражьи укрепления. Когда бой затих, Владимир оказался около железнодорожного вагона. Заглянул в него — ящики стоят. Разбил один прикладом, вынул какой-то большой невиданный фрукт. Добрался до ароматной его мякоти, откусил и даже зажмурился от сладости.

Ели матросы эти фрукты, гадали, что едят. Но так и не догадались. Лишь через много лет узнал Владимир, что были то ананасы. Вот как шикарно жили беляки, подкармливаемые своими заграничными друзьями!

Но ничто не могло им помочь — ни иностранное оружие, ни отличная еда, ни войска интервентов. Босая и голодная, плохо вооружённая, но духом своим непобедимая, партией ведомая вперёд, от океана до океана шла Красная Армия, очищая страну от вражьей нечисти. Грозный огонь революции сжигал всех и всяческих врагов, но был он добрым для её защитников — закалял их, внушал силу, уменье и отвагу.

Закалялся, мужал и Владимир.

Разве можно забыть, каким он был в первом своём бою, под местечком Шлыки? Мальчишка мальчишкой! Заскочил перед боем со своим другом и ровесником Костей Яркиным к старушке, жившей возле пристани, — испить топлёного молока. Вышли, отдуваясь, и обомлели: на пристани уже разгружается пароход с белыми, спустившийся вниз по Каме! Побежали друзья по берегу, залегли под опрокинутой рыбацкой баркой, стали палить во вражью оружейную прислугу. В грохоте развернувшегося боя никто на них не обратил внимания, и всё сошло бы благополучно, да Костя расхвастался:

— Я метче стреляю! Глянь-ка, сколько уложил!

Но и Володька за словом в карман не полез:

— Нет, я метче! Вон колышек стоит, кто попадёт?

Увлечлись дружки, вылезли из-под барки, сядя по колышку. Белые заметили и жажнули по ним из орудия. Еле ноги «соревнователи» унесли!

Нет, другим стал Владимир за годы гражданской войны. Довелось ему превратиться в разведчика, переодетым ходить по белогвардейским тылам. Здесь помогали ему приятели — местные ребята, потаёнными тропами выводившие парня к расположению отряда. Чем награждал их? Да своим пайковым сахаром,

скопившимся за недели отлучек. Засовывая его в карманы ребячьих латаных зипунишек, похлопывал провожатых по спине:

— Топайте домой. Бабушек сахарком побалуйте, сами потешьтесь! Верно, отвыкли?

— А мы сызмальства к нему непривычные...

Слушал такой разговор комиссар. Усаживал вокруг себя и Володю, и Костю Яркина, и деревенских подростков, рассказывал о том, что не за горами новое время, когда и сахара и хлеба будет вдоволь. Только надо к этому времени пробиться: через огонь, лишения, смерть... Да потом ещё много придётся делать — строить заводы, сооружать машины, работать на тех машинах...

И эти слова большевика-комиссара запомнил Владимир. Кончилась гражданская война. Стал он токарем. Потом определился на известный всему миру Кировский завод, освоил трудную специальность наладчика. Работал все 30 лет до нынешнего дня, и удостоило его правительство недавно звания Героя Социалистического Труда. И с партией связал свою жизнь навеки, сейчас он кандидат в члены её Центрального Комитета.

* * *

ВОТ и вся история, которую я хотел вам рассказать. Слышу уже вопросы:

— А кто ж такой Владимир? Может, вы сами?

Да, все эти факты взяты из моей жизни. Только рассказывал я вам не об одном себе.

Тысячи подобных юношей и девушек прошли и сквозь печальное детство и тяжёлую, в пороховом дыму, юность. Их озарял добрый огонь революции, их воспитывали большевики-ленинцы, вели за собой. Многие из этого давнего поколения молодых погибли в боях за ту жизнь, которой вы, дорогие мои друзья, живёте сейчас. Труден был каждый их завтрашний день, потому что грозил он и пыткой, и голодом, и смертью под пулями.

А ваш — светел и радостен.

Так дорожите же им, будьте готовы, если понадобится, отстоять его в битве с врагами.

И главное — любите родную землю, на которой пролито столько крови борцов за ваш завтрашний день!

Литературная запись Г. КНЯЗЕВА

Рисунки П. Вискова

ОСЕНЬ вызолотила деревья на Тверском бульваре в Москве. В безветрии слетают жёлтые листья, неслышно устилают дорожки и громко шуршат под ногами прохожих.

На скамье о чём-то беспечно болтают школьники. Портфели брошены прямо на землю. У скамьи — голубая коляска, а в ней малыш. Держась за длинную дужку коляски, высокая темноволосая девочка, не вставая, двигает её вперёд-назад.

— Позвольте присесть? — остановился подле скамьи невысокий прохожий в чёрном пальто, серой шляпе, с тростью в руке.

— Пожалуйста! — мгновенно посторонилась девочка.

Незнакомец сел, огляделся, потом склонился над коляской и заговорил баском:

— Ты мальчик или девочка? Как тебя зовут?

— Ему всего четыре месяца, — улыбнулись ребята. — Это — Юрка...

— Юрка? Значит, баранчук...

Озадаченные школьники переглянулись: что за странное такое слово?

...Сидя на скамье напротив, я мучительно вспоминал: кто этот как будто знакомый человек с огромными усами, с живыми и быстрыми карими глазами? Наконец вспомнил и решил: как только подвернётся удобная минута — подойду!

И когда незнакомец, передохнув, встал со скамьи, я осторожно поравнялся с ним и негромко спросил:

— Ока Иванович?

— Он самый! Что-то не припоминаю...

— Это и не удивительно. Ведь я вас узнал по журнальному портрету и отважился обратиться прямо на улице. Не откажите рассказать для маленьких ленинградцев несколько эпизодов из вашей боевой жизни.

— Охотно! Зайдёте ко мне.

И вот мы в кабинете Героя Советского Союза Оки Ивановича Городовикова. Лёгкий, стремительный, он ходит неслышными шагами по комнате, бесстрашный начдив Первой Конной Армии, боевой соратник Ворошилова и Будённого, генерал-полковник в отставке. В углу кабинета стоит небольшая пирамидка, в которой хранятся боевые доспехи ветерана: шашка, бинокль, планшет, кавалерийские перемётные сумы.

— Первый серьёзный бой произошёл у меня в девятилетнем возрасте, — повёл рассказ Ока Иванович. — Состоял я тогда в подпасах, помогал чабану сторожить в Сальских степях отары овец богатея по имени Бакшими. И вот как-то по весне в погожий денёк пригнал я свою отару к лиману. Овцы мирно пощипывают траву, пригревает солнышко, кругом тишина и благодать. Прилёг я на спину, начал разглядывать высокое небо, да нечаянно и уснул. Проснулся от неистового собачьего лая — то мой четвероногий помощник Галзан подал сигнал тревоги. Глянул я и похолодел!

Огромный орёл держит в когтях ягнёнка, силится взлететь, но Галзан не даёт — вьётся вокруг, норовит ухватить за крыло. Не помня себя, я подбежал к хищнику, уцепился за ногу ягнёнка, а орёл пластает крылья, кажется, вот-вот унесёт и меня вместе со своей жертвой. Кричу на орла, бью наотмашь кулаком, ломаю перья, а Галзан помогает мне и с фронта, и с тыла, и с флангов. Но вдруг откуда ни возьмись камнем упала на Галзана орлица, ударила в спину. Бедняга взвыл, покатился.

— Не робей! — кричу. — Бейся, Галзан! — А сам, что есть силы, рванул ягнёнка, повалился на него, прикрыл.

Остервенелый орёл начал работать клювом. Мигом из моего полушубка полетели клочья, из тела брызнула кровь. Ожесточился я и, улучив момент, так хватил хищника по голове, что он взмыл вверх.

Тем временем справился с паникой и Галзан, повёл с орлицей правильный, умный бой. Бегу к нему на помощь с ягнёнком под мышкой, шумлю на всю степь. И вдруг мой недобитый противник со всего маху обрушивается на меня сверху. Падаю, но ягнёнок всё равно подо мной! Жду новой атаки, а её нет. Гляжу, а к месту нашей битвы бегут на выручку мои товарищи-подпаски от ближних отар. Приподнялся. Где же Галзан? Он здесь, он уже зализывает свои раны.

Тут я, как говорится, сразу вошёл в моду. Дело в том, что жадный Бакшими, нанимая меня в подпаски, долго торговался с отцом.

— Ростом не вышел твой баранчук (значит, мальчик), — сказал он отцу. — Ни силы у него, ни ловкости, ни отваги. Разве это чабан? Такой не то что не сбережёт отару, его и самого орёл унесёт. Красная цена твоему баранчику две шкурки...

И отец согласился. Другие подпаски получали за сезон пастьбы по три овечьих шкурки, я же из-за маленького роста вынужден был работать за две.

И вот товарищи, выдавшие схват-

Ока Иванович Городовиков.

ку с орлами, восхищаются моей стойкостью и отвагой, хвалят меня, говорят:

— Ты, Ока, настоящий батыр!

Мне похвалы лестны, но виду не подаю. Скоренько сбил в кучу разбежавшуюся отару, кликнул Галзана и пошёл к лиману. Тут я скинул изодранный в клочья полушубок, умылся сам, умыл израненную морду своего четвероногого друга и сел отдохнуть. Галзан положил мне на колени голову и смотрел на меня преданными глазами, а я думал: «И зачем это на свете позволено жить хищникам? Люди растят барашка или ярочку, холят, а орёл обрушится сверху и хватить готовенькое!..»

Об этом своём бое и этих невесёлых мыслях я вспомнил много лет спустя и вот при каких обстоятельствах. Вернувшись с военной службы, надел я как-то свою казачью форму и зашёл в хуторскую харчевню. Народу полно, сесть негде. За одним из столов драгунский унтер-офицер играл на гармошке. Увидев меня, он подозвал, посторонился:

— Садись, казак!

Очень удивило меня такое радушие: драгунский унтер-офицер пригласил за стол меня, калмыка!

Это был Семён Михайлович Будённый. Он оказался весёлым и остроумным собеседником, отличным песенником.

Познакомились, заговорили про военную службу, про станичное житьё-бытьё.

— Нехорошо живём! — вдруг помрачнел, сказал Будённый. — Кто-то работает, гнёт горб и голодает. А кто-то грабастает себе готовенькое, словно коршун. Где ж справедливость?

Меткое сравнение навело меня на мысль о том, что хищники обрушиваются не только на ягнят, но и на нас, простых людей, — двуногие хищники — богатеи, вроде моего прежнего хозяина Бакшими.

С той поры и завязалась у нас с Семёном Михайловичем Будённым дружба. Завязалась крепким узлом и на долгие годы.

Поначалу судьба раскидала нас далеко. Когда началась империалистическая война, меня отправили на австрийский фронт, а Будённого — на турецкий. Думали, что и не свидимся вновь.

Однако свиделись через три года с небольшим. За это время произошли события, которые до основания потрясли всю страну. Вернулся я в родную станицу Платовскую уже после того, как свершилась Великая Октябрьская революция. Иду по знакомой улице, а навстречу Будённый:

— Ока, живой! Откуда ты взялся?

— С фронта, Семён Михайлович.

— И я с фронта.

Эта встреча сблизила нас ещё теснее. Вместе мы создавали революционный комитет из фронтовиков, вместе устанавливали в Платовской советскую власть и вместе отстояли её от белогвардейцев с оружием в руках.

Однажды отряд белоказаков внезапно напал на наш будёновский отряд. Разгорелся жестокий бой. Со всего маху грохнулся подо мной простреленный конь, придавил застряв-

шую в стремя ногу. Не успел я и оглянуться, как был схвачен казаками. «Теперь конец! Отвоевался!» — мелькнула мысль.

Меня повели в штаб генерала Попова, того самого, который за мою голову обещал награду. Потом пришёл дежурный по караулу. Глянул я на него и обмер от радости: дежурным оказался Эренжен Кулишев — один из наших красногвардейцев, специально посланных для работы среди калмыков, которых белые призвали в свою армию.

Ткнул он меня для виду кулаком в бок, когда вёл в подвал, а сам осторожно подмигнул, тихонько сказал:

— С наступлением темноты бежим!

Долго пришлось ждать. Наконец звякнула щеколда, вошёл Эренжен:

— Кони осёдланы!

Выскользнули мы из подвала. Гляжу — два всадника держат в поводях двух осёдланных лошадей.

— Кто это? — шепчу.

— Это братья Адучиновы. Им тоже не с руки воевать за белых, решили податься к Будённому...

Выехали мы за околицу, дали шпоры коням и поскакали. Ветер засвистел в ушах...

В отряде Будённого нам рассказали новость. Белякам удалось разбить революционный отряд станицы Платовской и захватить в плен около трёхсот человек, которых они решили на рассвете расстрелять.

— Надо выручить! — узнав об этом, твёрдо сказал Будённый. — Кто пойдёт со мной?

Охотников нашлось много, хоть дело это было рискованным и опасным.

Семён Михайлович выбрал удобную позицию, притаил своих бойцов в засаде. А когда конвой с пленными подошёл, молниеносно обрушился на него с такой яростью, что белые и опомниться не успели, как очутились на том свете.

Выиграв этот бой, Будённый повёл отряд на Платовскую, где засели белые. Те, как видно, не ждали такой дерзости и, увидев будёновских всадников, кинулись со всех

ног бежать, бросая орудия, пулемёты, патроны. Станица Платовская снова стала нашей.

Вскоре Центральный Комитет Коммунистической партии по предложению В. И. Ленина решил объединить разрозненные партизанские отряды, свести их в регулярные полки Красной Армии. Будённые всадники заседлали коней и во главе со своим любимым командиром выступили из Платовской к месту сбора отрядов Сальского круга, на станцию Гашун.

Здесь я впервые увидел Климента Ефремовича Ворошилова, которому было поручено формирование красных полков.

В новом полку меня назначили уже командиром эскадрона, а начальником моим по-прежнему оставался Будённый.

И понесли нас лихие кони от боя к бою, от фронта к фронту. С клин-

ками в руках, с яростью в сердце бросались будёновцы на белогвардейцев, рубили в капусту. Случались и неудачи. Тяжко было терять в боях товарищей, нелегко было переносить и раны от белогвардейских шашек и пуль. До сих пор, слушая песню о юном будёновце, вспоминаю я бойцов эскадрона, полка, дивизии, Второй Конной Армии, которыми мне довелось командовать. Вспоминаю не только живых героев, но и тех, кто сложил свои буйные головы на полях гражданской войны.

*...Ты, конёк вороной,
Передай, дорогой,
Что я честно погиб за рабочих...*

Да, немало погибло. Неумолимое время стёрло многие холмики над могилами бойцов, но никогда не сотрётся память о них.

Широкой степью идёт комбайн.

Дымит завод, шумит электростанция. В небе парит самолёт. По улице с песней шагает пионерский отряд. Всё это живые памятники героям.

— Залюбовался я сегодня в сквере детворой, — продолжал Ока Иванович. — Весёлые растут, жизнерадостные! Как горячо я мечтал об этом времени, когда носился на быстром скакуне с клинком в руке! И вот дожил, своими глазами увидел осуществлённую мечту. Хочется жить долго, быть здоровым и сильным, чтоб увидеть ещё и лучшие дни.

— Увидите...

— Стараюсь, — улыбнулся генерал. — Пощупайте! — и он напряжинил бицепс.

— Как железо!

— А знаете почему? Физкультурой до сих пор занимаюсь. Каждое утро умываюсь до пояса. Курить давным-давно бросил. Тружусь в меру сил в своём саду на даче. Как-то не пристало будённовцу поддаваться старческим немощам. Вот и веду на них фронтальную атаку.

П Л А К А Т

Штык в земле, а в руках
лопата —
Вот я увидел какого солдата.
Понял я, глядя на старый плакат:
Строить с войны возвратился
солдат.

Глухо над полем гудели антенны,
Строил заводы солдат и мартены,
Свет зажигали в тайге города,
Реяли в небе знамёна труда.

К сердцу прижав комсомольский
билет,
Он зажигал коммунизма рассвет.

Он проходил через сотни
преград —
Русский простой угловатый
солдат.

Стал, как страница большой
эпопеи,
Всех мне дороже он, ближе,
роднее —
В серой шинели суровый солдат.
Я берегу этот старый плакат.

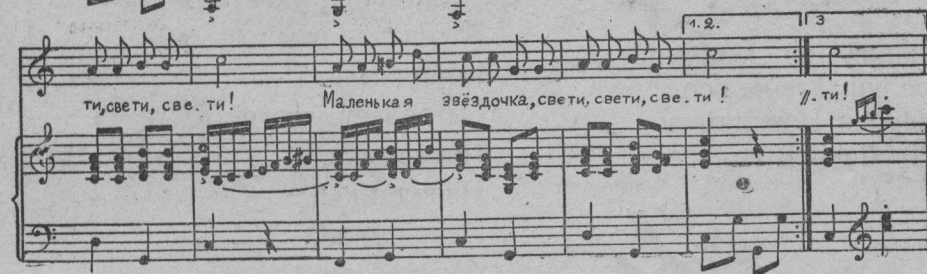
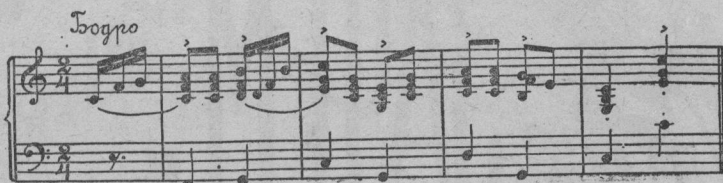
Миша КАЛЕДИН
6-г класс, 281-я школа

Песенка про звёздочку

Слова З. АЛЕКСАНДРОВОЙ

Музыка Н. САДОВОГО

РЕБЯТАМ -
ОКТЯБРЯТАМ

1.

В школе много школьников,
Ленинских внучат.
Песни октябрятские
Радостно звучат.

Припев:

Вместе с пионерами
Нам весело идти.
Маленькая звёздочка,
Свети, свети, свети!
Маленькая звёздочка,
Свети, свети, свети!

2.

Где же эти красные
Звёздочки горят?
На груди у школьников,
Наших октябрат.

Припев.

3.

Этих ясных звёздочек
Больше с каждым днём.
Хорошо мы учимся,
Смелыми растём.

Припев.

О чём хочется мне написать
для вас новые стихи?

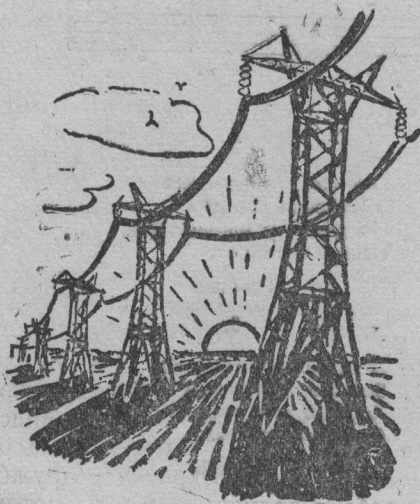
Конечно, о том, о чём вам хо-
чется прочитать, дорогие чита-
тели.

А о чём хочется вам прочи-
тать? Обо всём на свете!

Недавно моему юному другу
Вове понадобилось узнать: по-
чему горит электрическая лам-
почка? И вот сочинил я

Стишок про Невидимку

Стишок про Невидимку
Послушайте-ка все.
Родился Невидимка
В турбинном колесе.

Он любит потрудиться,
И мигом тут как тут —
По проводу примчится,
Как только позовут.
Катает Невидимка
В троллейбусах народ,
И воду Невидимка
В квартиры подаёт.
У дедушки-портного
Машинку покрутил,
А внука озорного
За палец ухватил.

Кто печёт нам пироги?

Невидимка.

Нагревает утюги?

Невидимка.

Невидимка!

Невидимка!..

А какой он,

Поглядим-ка:

Лампочку включи —

Вспыхнули лучи.

Мы увидели тебя,

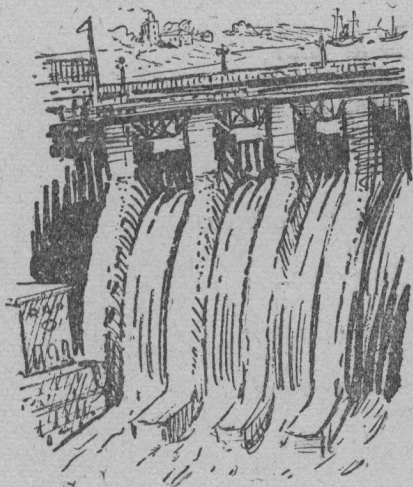
Невидимка!

— Понятно, — сказал Во-
ва. — Так это Невидимка нам
светит! Он в турбинном колесе
родился. Оно вертится? А по-
чему?

— Ну, слушай,

Что рассказало колесо турбины

И день и ночь
Бежит вода,
Бежит, бежит вода.
Куда она
Спешит всегда,
Спешит, спешит всегда?
Я с нею в путь,
В далёкий путь
Хочу пуститься вместе.
И вот верчусь,
Верчусь,
Верчусь,
Но... всё на том же месте.

Думаете, уgomонился мой По-
чемучка? Как бы не так! Теперь
ему про воду рассказывай: куда
и зачем она спешит?

Вот куда спешит вода

Чуть колышется в стакане
Присмирившая вода,
Но о бурном океане
Не забудет никогда.

Не забудет о просторе,
И не нужен ей покой.
Отпусти — помчится
к морю

Полноводною рекой.
Обгонять помчится льдины,
На ходу крутить турбины,
Всех поить и умывать,
А с пожаром — воевать!
По большой земле-планете
Побежит, журча волной,
Чтоб увидеть
Всё на свете
Да ещё —
Тебя со мной.

Прочёл я это Вове. Спраши-
ваю: — Ну, как, теперь во всём
разобрался?

Нет, оказывается, не во всём.
— А зачем воде нас увидеть
надо?

Отвечаю:

Это ясно и понятно —
Поглядеть на нас приятно,
Потому что ты да я —
Настоящие друзья.

— Ну, Вова, ещё есть вопро-
сы?

— Нет.

Наконец-то мы выяснили, по-
чему горит электрическая лам-
почка!

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Спи, баю-баю,
Баю.
Спит серый зайка
В гаю.
Спят — ночь настала —
Волы,
Спят там, где скалы,
Орлы.
Только не спит
Пастушок.
Свистнув, летит
Посошок.
Волк побежал
Наутёк,
Мчит, хвост поджав,
Через ток.
Спи, баю-баю,
Баю.
Спит серый зайка
В гаю.
Спит вся родная
Земля —
Нивы без края,
Поля.

Только отец твой
Не спит,
Край свой родной
Сторожит.
Вóрог здесь встретит
Беду.
Спи, — это ветер
В саду,
Это — садочек
Ночной.
Спи, мой сыночек
Родной.

Рис. Ю. Лаврухина

Л Е Т Я Т Ж У Р А В Л И

Летят журавли
И «курлы» да «курлы» —
Прощай, край любимый,
Где зори светлы.
И там, за морями,
В далёком краю
Мы вспомним не раз
Про Отчизну свою,
Где свили мы гнёзда,
Растили детей.
Летят журавли
И «курлы» всё грустней.
Под ними бескрайной
Простёрлась земля,
Стерня золотится,
Дымятся поля.
Тут всё им знакомо,
Всего им тут жаль,
А ветер холодный

Уносит их в даль.
«Прощайте!» — так люди
Кричат, как своим.
«Курлы!» —
Отвечают
Журавлики им.
Весна.
Из-за моря
Летят журавли.
Поля зеленеют
Вблизи и вдали,
Пролескою нежной
Гордятся леса,
Поёт вся Отчизна
На все голоса.
И яркое солнце
Встаёт из-за мглы.
Журавлики рады:
«Курлы!»

Два комара
Принялись до утра,
Ещё до зари,
Набивать волдыри.

Первого убили,
Второй улетел,
Бок отдавили,
Зато уцелел.

Хнычет комар
У забытой норы:
«Что за несчастные
Мы, комары!»

«Вы б не кусались», —
Шепнул ему уж.
Но он ужа не понял.
Почему ж?

Рис. Ю. Лаврухина

УТРО

Солнышко всходит,
Землю обходит,
Светит в любое окно.
Солнышко всходит —
Счастье в народе,
Славится утром оно.
Солнышко блещет,
Росы трепещут,
В них загорелись огни.
Вешние всходы —
Детские годы,
Утру подобны они.

Рис. А. Илючека

ОСЕНЬ

Ходит осень там, где ток,
На ней огненный венок,
Просит дать ответ:
«Всё здесь или нет?»
«Нет, не всё, —
Скирды шумят, —
Ты спроси у всех бригад,
Всё не сосчитать,
Только ниве знать.
Ещё знает агроном,
Да амбары под зерном,
Да вагоны, что в пути,
Да в застолицу влети.
Знает Родина одна,
Сколько есть зерна!»
Ходит осень по двору,
По колхозному добру,
Счёт всему ведёт,
Голос подаёт:
«Овцы, кони и коровы,
Все ль вы здесь, в подворьях
новых?»

«Нет, не все, не все.
Жеребята есть в овсе,
Да ягнята есть в отарах,
Да телята есть в кошарах.
Нет, не счесть добра, —
Хороша пора!»
Ходит осень по полям,
Смотрит осень здесь и там;
Ходит около буртов:
Сколько сахара пудов?
Сколько — скажут дети наши,
Те, что сядут возле каши
Сладкой — на столе,
В городе, в селе.

Рис. Ю. Лаврухина

Осень с ковшиком идёт,
На пшеницу дождик льёт,
На густую рожь
Проливает дождь.

Перевёл с украинского
Александр ПРОКОФЬЕВ

и

Новогодняя шутка в 1 действии

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

ОВОА
ЛЁВА
ТАНЯ
СТЁПА
КУЗЬМИЧ

АННА ЕГОРОВНА
НИКОЛАЙ
ГРИША
АРТИСТ

ЭПИЗОД ПЕРВЫЙ

ТАНЯ. Значит, договорились?

СТЁПА. Я думаю, что если принять во внимание всё, что было решено на совете отряда, то...

ОВОА. Послушай, Стёпка, хоть раз в жизни можно без речей?

СТЁПА (обиженно). Я могу вообще не говорить.

ТАНЯ. Уже обиделся?

СТЁПА. Я? Ничуть! Считайте, что меня здесь нет.

ТАНЯ. Как умно! Ну, ладно!.. Вова, а вы успеете? Может быть, вы тоже поедете на поезде с нами?

ОВОА. Не беспокойся. На лыжах я себя чувствую, как в санях.

СТЁПА. А тебе известно, что до нашего подшефного колхоза пятнадцать километров?

ОВОА. Ну и что? Разве это расстояние?

СТЁПА. А как для твоего брата Лёвы?

ОВОА. Лёвка, конечно, похуже ходит на лыжах, но за мной потянется.

ТАНЯ. Кстати, где же он?

СТЁПА. И как же вы, интересно, привезёте ёлку на лыжах?

ТАНЯ. Так ведь мы же договорились, Стёпа. Мы с тобой вручим подарки ребятам из МТС, а потом придем в колхоз, там встретимся с Вовой и Лёвой и обратно поедem все вместе поездом.

СТЁПА. Ах, так? Ну что же, как член совета отряда, я вполне одобряю...

ОВОА. Опять речь!

СТЁПА. Молчу! Молчу!

ТАНЯ. Но где же Лёва?

ОВОА. Не знаю... Сказал, сейчас приедет. Сбегаю я за ним. Что это он в самом деле!

(Вова уходит).

СТЁПА. Татьяна, честное слово, так невозможно!

ТАНЯ. А что?

СТЁПА. Почему ты позволяешь Вовке затыкать мне рот?

ТАНЯ. Потому, что не всегда нужны речи.

СТЁПА. Но руководящие указания? А ты ведь тоже член совета отряда?

ТАНЯ. Стёпка, ты чудак!.. Смотри, Лёвка идёт, а Вова за ним побежал.

(Входит Лёва).

СТЕПА. Наконец-то явился!

ЛЕВА. Можно без критики? А где мой братец?

ТАНЯ. Вовка пошёл тебя искать.

ЛЕВА. Почему такая спешка?

ТАНЯ. Потому, что ёлку из колхоза надо привезти завтра утром.

СТЕПА. Лёва, ты тоже пойдёшь на лыжах?

ЛЕВА. Безусловно. Лучший вид спорта зимой.

ТАНЯ. А где твои лыжи?

ЛЕВА. Там, где им нужно быть. И вообще, я ещё подумаю, ехать или нет. Не могли мне одному такое простое дело доверить? Пусть теперь Вовка сам едет. (Уходит).

ТАНЯ. Поедет или не поедет?

СТЕПА. Сомнительно.

ТАНЯ. До чего же они не похожи друг на друга, а ведь родные братья!

СТЕПА. Не похожи? По-моему, они как две капли воды. Лично я их очень часто просто путаю.

ТАНЯ. Я говорю про характеры. Характеры у них очень разные.

СТЕПА. Это верно. (Ораторским тоном.) По деловым своим качествам фигуры, конечно, неравноценные и даже удивительно, что два брата, имея столь много общего в смысле внешнего вида, так...

ТАНЯ (заливается смехом). Ой, не могу, уморил!

ОВОА (входит). Что с тобой, Таня? Опять Стёпа выступал с речью?

ТАНЯ. Ну, конечно! А Лёвка только что ушёл!

ОВОА. Ну вот! Куда?

ТАНЯ. Не знаю. Обиделся — не доверили ему одному привезти ёлку из нашего подшефного колхоза.

СТЕПА. По-моему, Лёвка просто не собирается ехать.

ОВОА. Тогда я еду один.

ЭПИЗОД ВТОРОЙ

Будка телефона-автомата. Появляются Таня и Стёпа.

СТЕПА. Это ты гениально придумала... Лёвку надо проучить.

ТАНЯ. У тебя есть 15 копеек?

СТЕПА (ищет в портфеле). Это — мой бывший завтрак, это — марки, это — проволока, буду делать клетку для кролика... Между прочим, лучшая порода кроликов — это...

ТАНЯ. Не ищи. Я нашла. (Набирает номер.) Это квартира Вовы и Лёвы? Мне нужен Лёва. Меня плохо слышно? Это Таня. Причём тут «баня»? Это говорит Таня. А это Лёва? Что «снова»? (Стёпе.) Ничего не слышит.

СТЕПА. Говори по буквам.

ТАНЯ (в трубку). По буквам говорю: лиса, ёж, волк, акула — Лёва. Мне нужен Лёва. Да нет, не «готово»! Скажите мне, куда я попала? Да нет, не «с вокзала»! Я говорю из автомата около молочного магазина. Какая «Зина»! Это не Зина, а Таня... Опять «баня»!

СТЕПА. Пошевели про- вод.

ТАНЯ. Теперь слышно? Лёва, это я, Таня. Ну, наконец-то! (Прикрывает трубку. Стёпе.) Не знаю, с чего начинать.

СТЕПА (тихо шепчет). Как договорились. Скажи, будто тебе стало известно, что Вовка тоже не поехал. Посмотрим, что он ответит.

ТАНЯ (в трубку). Лёва, Вова тоже не поехал. Что же это получается? Почему Вова не поехал? Тоже обиделся. Ну, да... Как ты. Значит, мы остаёмся без ёлки?

СТЕПА (шепчет). Авторитетней нажимай на него!

ТАНЯ. Ведь это безобразие! Кто же поедет за ёлкой? Что?.. Лёва, Лёва!.. Повесил трубку!

СТЕПА. Конечно! Лёвка совершенно безответственный товарищ.

ТАНЯ. Хорошо, что на самом-то деле Вова уехал! Теперь, Стёпа, по домам. Через час встречаемся на вокзале. Надо торопиться. А то Вова нас будет ждать в колхозе.

ЭПИЗОД ТРЕТИЙ

Выбиваясь из последних сил, едет на лыжах Лёва. Он делает отчаянные попытки ехать быстро, но всё время остаётся на одном и том же месте.

ЛЁВА (напевает).

Я на лыжах качу,
Я, как ветер, лечу,
Никому меня не догнать.
Если я захочу,
Первый приз получу,
Только я не хочу его брать.

(Наконец двигается и налетает на пенёк, падает.) Понаставили тут пней! Разини! (Потирает колени.) Ой-ой-

ой! Лучше бы дома сидел. А всё мой милый братец Вова! Понадеялся на него, а он взял и не поехал. Темнеет уже. Эх, вперёд! (Опираясь на палку, хромая, продолжает свой путь.)

Кто на лыжах идёт,
А кто лыжи несёт
На себе, на себе, на себе.
Почему это так?
Отчего это так?

Объяснил бы хоть
кто-нибудь мне!

ЭПИЗОД ЧЕТВЕРТЫЙ

Колхозная улица. Забор. На столбе горит электрический фонарь. Появляется Анна Егоровна. Она везёт за собой санки, нагруженные ёлочными игрушками.

АННА ЕГОРОВНА (останавливается). Отдать сейчас, что ли, игрушки Дусиным ребятишкам? Окошко светится, видать, она уж дома. (Снимает с санок одного деда-мороза, небольшую коробку и собирается идти.) Ой, дождь-то забыла! (Разворачивает пакет, открывает большой пучок ёлочного дождя, остальное кладёт обратно на санки.) Кажется, всё взяла.

(Анна Егоровна скрывается за углом забора. Вбегает Вова с лыжами на плече).

ВОВА (кричит). Анна Егоровна! Анна Егоровна! Ушла!.. Вот досада! Сказали, она знает, где найти дядю Ваню. (Некоторое время прохаживается вдоль забора, потом начинает ёжиться.) Так и замёрзнуть можно... Поискать её, что ли? Только в каком дворе? Попробую сюда зайти.

(Вова уходит. Появляются Гриша и Николай. У Гриши баян).

НИКОЛАЙ (продолжая разговор). А я тебе говорю, Григорий, слон и тот может научиться!

ГРИША (угрюмо). Слон, слон... А я разве...

НИКОЛАЙ. Вот именно! Ты не слон. Да и чего тут особенного? Выйдешь, потом взглянешь — вот так. (Показывает.) Потом правой рукой сделаешь вот так. (Показывает.) Потом сразу поворачивайся и говори слова.

ГРИША. Не пойду на репетицию. Иди один. Не выходит у меня.

НИКОЛАЙ. Вот новости! Не стыдно? Даже дядя Кузьмич выступление подготовил. А ты!.. Ну, хочешь, сейчас быстренько повторим? Да не бойся! Никого нет. Никто не увидит. Ну, выходи! (Гриша неуверенно делает шаг вперёд.) Теперь давай свирепый взгляд. Мало свирепости... Ты больше глазами работай.

ГРИША. Так, что ли? (Свирепотаращит глаза).

НИКОЛАЙ (ободряюще). Уже кое-что вышло. Теперь пробуй руку. Вот так. (Поклывает).

ГРИША (размашисто отводит руку назад и ударяет Николая). Так?

НИКОЛАЙ. «Так» — получается синяк. А ну тебя!

ГРИША. Ты уж извини, Коля.

НИКОЛАЙ. Идём в клуб. Слон не слон, а уж медведь — это ты определённо.

(Николай и Гриша уходят. Не проходит и минуты, как на полном ходу налетает на санки лыжник. Это — Лёва. Санки падают, Лёва падает на санки, со звоном бьются игрушки).

ЛЁВА. Опять какой-то пень! Ой-ой! (Пытается встать, запутывается в рассыпавшемся металлическом дожде.) Колется! Больно! Что это?! Помогите!

(Стараясь освободиться от дождя, Лёва опять задевает санки, все пакеты падают на землю. На его крик выбегает Анна Егоровна).

АННА ЕГОРОВНА. Это кто тут воюет? Ты что?! Батюшки! Все побил!..

ЛЁВА. Да я... да я...

АННА ЕГОРОВНА (складывая всё обратно на санки). Ты... Конечно, ты, а кто же ещё?! Вот несчастье-то! Что натворил! Ну, голубчик, пойдём-ка со мной в клуб, там мой Кузьмич быстро дознается, кто ты такой.

ЛЁВА. Я за ёлкой приехал!

АННА ЕГОРОВНА. За ёлкой?!

ЛЁВА. Ну да! Это меня Вовка подвёл.

Сам дома сидит, а мне пришлось ехать. Это всё из-за него!

АННА ЕГОРОВНА. Смотри, ещё виноватых ищет. Нет, пойдём, герой, со мной! (Лёва отчаянно сопротивляется.) Ничего, ничего, я тебя доставлю, тут клуб рядом.

(Анна Егоровна уводит Лёву. Входит Кузьмич).

КУЗЬМИЧ. Что такое? Никак наши санки? А где же моя старуха? (Зовёт.) Анна Егоровна!.. Видно, к Дусе зашла... Забрать санки с собой, что ли? Да нет, ещё подумает, кто чужой взял. Минуточку... А где же мои очки? (В большом волнении ищет по карманам.) Футляр здесь. А где же очки? Потерял! Так и есть... Только не волнуйся, Кузьмич. Старайся сохранить спокойствие. Давай рассуждать. Что я сейчас делал? Читал дома газету. Значит, я был в очках, потому что без очков я не вижу. Так. Прочитал газету и сразу пошёл в клуб. Очки, помню, не снимал. Значит, где же они? (Проводит рукой по лбу.) Ну, так и есть — они на мне. Ой, бежать надо, опаздываю на репетицию.

(Кузьмич уходит. Возвращается Вова).

ВОВА. Вот положение! Нигде не нашёл эту Анну Егоровну. Что же делать? Должна же она вернуться сюда, не бросит свои санки... Фу ты,

невезенье какое! Темно уж как! А мне ещё за ёлкой ехать... Холодно!.. (Похлопывая себя ладошками, Вова согревается. Возвращается Анна Егоровна. Увидев Вову и принимая его за Лёву, она в ужасе останавливается).

АННА ЕГОРОВНА. Ты как здесь очутился? Я же тебя только сей секунд в клуб свела, велела с места не сходить!

ОВОА. Причём тут клуб?

АННА ЕГОРОВНА. Ты, что же, сбежал?

ОВОА. Да не был я в клубе.

АННА ЕГОРОВНА. Я ведь, милочек, не с ума сошла. Я твёрдо помню, что ты натворил с игрушками.

ОВОА. Я? Какие игрушки?! Вы что?!

АННА ЕГОРОВНА. Я-то знаю что! Ах, ты, негодник! Измываться надо мной выдумал? Обещался в клубе сидеть, покуда я вернусь. И книжку тебе дала, чтоб не скучал...

ОВОА. Да я вас первый раз вижу!

АННА ЕГОРОВНА. Ну, не нахал ты, а? Он меня не видел? А кто же тебя, паршивца, за вихры таскал?

ОВОА. Никто, честное пионерское! Что с вами?

АННА ЕГОРОВНА (хватает Вову за руку). Не стыдно тебе?! А ну-ка, пойдём! Пойдём, не упирайся, а то хворостину возьму!

ОВОА. За что? Куда?! Ничего не понимаю.

АННА ЕГОРОВНА. Он ничего не понимает! Не прикидывайся, а ещё честное пионерское говоришь!

ОВОА (возмущённо). Никуда я не пойду! Я за ёлкой приехал! Не пойду. Слышите!

АННА ЕГОРОВНА. Не пойдёшь? Силком потащу!

(Крепко держа Вову одной рукой, другой она берёт санки и направляется в сторону клуба).

ЭПИЗОД ПЯТЫЙ

Празднично украшенный колхозный клуб. В зале клуба висят флажки, горят разноцветные фонарики. На скамье сидит Вова. На него насаждают Анна Егоровна и Кузьмич.

АННА ЕГОРОВНА. Ведь я тебя оставила там, в читальне? И книжку свою тебе отдала. А ты сбежал?

ОВОА. Десятый раз повторяю — я в клубе не был. И никакую книжку вы мне не давали.

АННА ЕГОРОВНА. Ну, скажи на милость! Словом, вот что, Кузьмич, — принимай меры! Он игрушки мне переколотил, книжку куда-то девал. Всех троих мушкетёров разом потерял...

КУЗЬМИЧ. Погоди, старая. Так ты говоришь — за ёлкой приехал?

ОВОА. Ну, да. Я дядю Ваню искал. Спрашиваю, где его найти, а мне какая-то колхозница на вас показала, говорит, вы знаете, где он. Я бросился вас догонять, прибежал, санки стоят, а вас нет.

АННА ЕГОРОВНА. Ну да! Сам признался. Пока я к Дусе заходила, ты мне санки и свернул.

ОВОА. Честное слово я их не трогал!

КУЗЬМИЧ. Перестань. Ну, разбил игрушку какую. Не беда! Где Иван Васильевич?

АННА ЕГОРОВНА. На ферму пошёл.

КУЗЬМИЧ. Значит, так. Дойдётся до новых домов, от них бери вправо — и до электростанции. Там уж любой покажет.

ОВОА. Спасибо. Найду. А то мы ещё летом, когда здесь были, эту ёлку облюбовали. Ребята в городе очень ждут её.

КУЗЬМИЧ. Ёлка — одно загляденье, ничего не скажешь. Иван Васильевич лично мне под надзор её отдал. Уж сколько тут на неё охотников было! Получишь у дяди Вани разрешение, поедем, срубим тебе ёлку.

ОВОА. Спасибо! (Уходит).

АННА ЕГОРОВНА. Уж больно ты добрый! А куда же книжка исчезла?

КУЗЬМИЧ. Обронить могла своих мушкетёров.

АННА ЕГОРОВНА. Разве что! Пойду посмотрю.

КУЗЬМИЧ. Иди, иди. Мне ещё дровишек наколоть надо.

(Оба выходят. В клуб входят Николай и Гриша).

НИКОЛАЙ. Хорошо прибрали клуб.

ГРИША. Просто красота!

НИКОЛАЙ. Ну, будешь повторять? Нет? Тогда я своего Карабаса-Барабаса порепетирую.

(Николай достаёт маску и длинную чёрную бороду. Всё это надевает на себя).

НИКОЛАЙ (репетирует). Это ты, деревянный Буратино?!

(Из соседней комнаты выходит Лёва. В руке у него книжка).

ЛЕВА. Почему вы такой шум подняли?

НИКОЛАЙ. А ты чего здесь делаешь?

ЛЕВА. Анну Егоровну жду.

НИКОЛАЙ. Ну и жди!

ЛЕВА. А вы не шумите! Читать мешаете. Читали про мушкетёров?

ГРИША. Не отвлекай!

ЛЕВА. А вы чего делаете?

НИКОЛАЙ. Репетируем. А ну, взгляни — хорошо получается? (Грозно, изображая Карабаса.) Где моя плётка? (Грише.) Играй! (Гриша играет, Николай танцует и поёт.)

Птичка польку танцевала

На лужайке в ранний час.

Нос налево, хвост направо, —

Это полька Карабас!

ЛЕВА. Э! Разве это Карабас-Барабас? Дайте я вам покажу. (Лёва надевает маску и бороду.) Вот как надо! (Входит Кузьмич. Лёва с угрожающим видом бросается к старику.) Ах ты, деревянный мальчишка, негодник!

КУЗЬМИЧ. А кто это? Соседский кто-нибудь? Не узнаю чего-то!

НИКОЛАЙ. Дружок Анны Егоровны. Дождидается её, да от скуки про мушкетёров читает.

КУЗЬМИЧ. Стой! Каких мушкетёров читает? (Подходит к Лёве, снимает с него маску.) Это ты?

ЛЕВА. Я.

КУЗЬМИЧ. Ты же к Ивану Васильевичу пошёл? К дяде Ване?

ЛЕВА. Никуда я не ходил.

КУЗЬМИЧ. Я же сам тебя послал?

ЛЕВА. Что вы, дяденька? Я вас первый раз вижу.

КУЗЬМИЧ. Может, ты Анну Егоровну тоже не видел?

ЛЕВА. Видел. Ждать себя велела здесь. Она мне и книжку дала.

КУЗЬМИЧ. Ты же говорил, что ничего про книжку не знаешь?

ЛЕВА. Да кому я это говорил?

КУЗЬМИЧ. Как кому? Мне!

ЛЕВА. Да я вас, дяденька, никогда не видел.

КУЗЬМИЧ. Как не видел? Я же согласился с тобой за ёлкой ехать.

ЛЕВА. Что вы, дяденька?! Ночью, в такой мороз ехать? Я и не собирался. Утром — пожалуйста, а сейчас спать пора.

КУЗЬМИЧ. Ты ещё надо мной смеяться вздумал! А, иди без разговоров! (Вытаскивает Лёву.) Спать, видишь, собрался. И нашли же кого прислать за ёлкой! Бестолковый паренёк какой-то!

НИКОЛАЙ. Не волнуйся, дядя Кузьмич. Ушёл и ладно. Лучше номер свой повтори.

КУЗЬМИЧ. Не получится сейчас. Растревожил он меня.

ГРИША. Попробуй, дядя Кузьмич!

(Вбегает Вова).

ОВОА. Ура, Фёдор Кузьмич! Всё сделано! Поехали!

КУЗЬМИЧ. Что? Ты опять пришёл?

ОВОА. А как же? Конечно, пришёл. Вот разрешение от Ивана Васильевича.

КУЗЬМИЧ. Да ты что, думаешь, я тебе так и поверил? Только за дверь вышел и успел к Ивану Васильевичу сходить?

ОВОА. Да вы почитайте!

КУЗЬМИЧ. И читать не хочу. (Подходит к телефону.) Ивана Васильевича. На ферме он. (Вове.) Ну, погоди у меня! Сейчас дознаюсь. (В трубку.) Иван Васильевич? Это я, Кузьмич. К тебе приходил кто насчёт ёлки? Что? Приходил?.. Да нет, я не сомневаюсь, так, для порядка... (Вешает трубку.) Показывай бумагу... Всё верно! Не пойму чего-то я... Ну, так что же тебе надо?

ОВОА (удивлённо). Фёдор Кузьмич, за ёлкой ехать надо, да побыстрее. Я ведь уж говорил вам.

КУЗЬМИЧ. Побыстрее!... Только что спать собирался, говорил ночью не поедешь. Да и с книжкой чего-то не чисто получается. Ну, да ладно! Топор возьму. (Выходит).

ОВОА. Скажите, что это с ним? Чего-то выдумывает — будто я не хотел ехать, спать собирался? Опять какую-то книжку вспоминает? Он что у вас, вполне здоров?

НИКОЛАЙ. Вполне. А насчёт книжки, чего ты удивляешься? Ты же нам её показывал, когда Карабаса изображал.

ОВОА. Я? Вы что, шутите?

НИКОЛАЙ. Не знаю, кто из нас шутит.

КУЗЬМИЧ (входя). Вот что, парень, сходи к Анне Егоровне, скажи, чтоб мой тулуп дала, да тебе чего теплее подобрала.

ОВОА. Я и так не замёрзну.

КУЗЬМИЧ. Делай, чего говорят!

ОВОА. Хорошо, Фёдор Кузьмич! (Убегает).

КУЗЬМИЧ. Ну, ребята, не иначе, как новогодние чудеса начинаются. Подумать только — в минуту какую-нибудь до фермы и обратно сбегал! Чудеса! И как это всё понять?

ГРИША. А чего тут голову ломать? Молодой! Давай, дядя Кузьмич, номер твой вспомним.

КУЗЬМИЧ. Гриша, музыку!

(Гриша играет на баяне, Кузьмич поёт. Входят Таня и Стёпа).

ТАНЯ. Вы не видели, товарищи, одного пионера из города, приехал за ёлкой?

КУЗЬМИЧ. Пионера вашего видели. А что?

СТЕПА. А нам можно его увидеть?

КУЗЬМИЧ. Ко мне за тулупом пошёл. В лес поедет сейчас.

СТЕПА. Понятно. А где вы живёте?

КУЗЬМИЧ. Из клуба направо. Спросите, где Кузьмич живёт. Покажут.

СТЕПА. Спасибо. (Тане.) Пойдём, встретим его.

КУЗЬМИЧ. Послушайте, ребята, этот паренёк у вас вполне здоров?

ТАНЯ. Вполне. А он что, плохо себя чувствует?

КУЗЬМИЧ. Да что-то вроде этого...

СТЕПА. Это осложняет дело, но мы вовремя пришли сюда. Посторопимся, Таня.

(Стёпа и Таня уходят).

КУЗЬМИЧ. Хорошие ребята. Для таких и красавицу ёлку срубить не жалко!

(Входит Лёва).

ЛЁВА. Дяденька, я замёрз... погреемся немножко...

КУЗЬМИЧ. С чего это замёрз? До квартиры моей дошёл и уже замёрз? А тулуп где?

ЛЁВА. Какой тулуп? Я никуда не ходил.

КУЗЬМИЧ. Я же тебя за тулупом к Анне Егоровне послал?

ЛЁВА. Никто меня не посылал.

КУЗЬМИЧ (вне себя). Братцы, что же это творится? Записку ты мне принёс?..

ЛЁВА. Я не приносил!

КУЗЬМИЧ. Держите меня! Худо, худо...

(Старик падает. Парни его подхватывают).

НИКОЛАЙ. Дядя Кузьмич, сядь в сторонку. Гриша, дай ему водички! (Лёве.) Ты что, парень, старика изводишь? Мы с тобой сейчас по душам поговорим!

(Входит Анна Егоровна. В руках у неё тулуп).

АННА ЕГОРОВНА.
Надевай, Кузьмич. (Лёве.)
А ты уже здесь? И на
конюшню сбегал? Сказал,
чтоб лошадей заложили?
Молодец! Быстро!

ЛЕВА. Каких ещё ло-
шадей?

АННА ЕГОРОВНА.
Батюшки! Да ты что?

КУЗЬМИЧ (слабым го-
лосом). Егоровна, брось
ты его... никуда он ехать не соби-
рается.

АННА ЕГОРОВНА. Не соби-
рается? Да ведь он только что заго-
нял меня — скорее, бабушка, давай
тулуп, сейчас в лес едем...

ЛЕВА. Да что вы? Какой тулуп?
Я и не был у вас!

АННА ЕГОРОВНА. Не был?

ЛЕВА. Конечно, не был!

АННА ЕГОРОВНА. Батюшки,
худо...

(Анна Егоровна падает. Гриша и Николай
подхватывают её).

НИКОЛАЙ. Бери-ка Кузьмича.
На воздух их выведем. Может, они
угорели?

(Парни выводят Анну Егоровну и Кузь-
мича).

ЛЕВА. Послушайте, дяденька!
Анна Егоровна!

(Лёва убегает вслед за ними. Некоторое
время в клубе никого нет. Затем входит
Николай).

НИКОЛАЙ. Ну и досталось ста-
рикам! Что же это в самом деле про-
исходит? Пойти печку проверить? Да
вроде нет угара. (Уходит в соседнюю
комнату).

(Входят Вова и артист)

ОВОА. Вот это клуб. А вы, зна-
чит, тоже из города?

АРТИСТ. Да... А ты не знаешь,
кто-нибудь ещё из артистов приехал?

ОВОА. Не знаю. Я здесь по дру-
гим делам. Тут Фёдор Кузьмич дол-
жен быть. Наверно, вышел на ми-
нуту. Садитесь. Он обязательно при-
дёт — мы с ним сейчас в лес за ёл-
кой поедем.

АРТИСТ. Хорошую ёлку на-
шли?

ОВОА. Ещё летом облюбовали.
Лучше не бывает.

(Входит Кузьмич).

ОВОА. Фёдор Кузьмич,
я уже сбегал. Лошади го-
товы. Поехали за ёлкой!

КУЗЬМИЧ (оседает на
стул). Опять поехали?..
Уйди!..

ОВОА. Куда же я один
пойду? Мы вместе поедем.
Вот только Анна Егоровна
сейчас тулуп принесёт.

КУЗЬМИЧ (бессвязно
бормочет). Тулуп... Ёлка...

Ехать... Спать... Опять сначала начи-
нать... Тулуп... Ёлка...

ОВОА (испуганно). Что с ним?

НИКОЛАЙ. Ты уж молчи! Довёл
человека!

ОВОА. Я? Чем? Что я такое сде-
лал?

НИКОЛАЙ (артисту). Он ещё
спрашивает! Дядя Кузьмич, может,
водички дать?

КУЗЬМИЧ (стонет). Не надо!

НИКОЛАЙ. Хотите сыграю чего-
нибудь?

КУЗЬМИЧ (стонет). Не надо!

АРТИСТ. Позвольте мне... (Под-
ходит к Кузьмичу.) Фёдор Кузьмич,
смотрите: был палец — нет пальца.
Видите?

КУЗЬМИЧ. Ох, ничего не пони-
маю, кто был, а кого не было...

АРТИСТ. А это очень просто.

(Артист развлекает Фёдора Кузьмича весё-
лыми фокусами. В это время доносятся го-
лоса Тани и Стёпы: «Вова, Вова, где ты?
Откликнись!»).

ОВОА. Ой, ребята уже вернулись
из МТС!

(Вова убегает. Артист продолжает показы-
вать фокусы. Никем не замеченный, входит
Лёва, садится на дальний стул. Потом вхо-
дит Анна Егоровна).

АННА ЕГОРОВНА. Ну, Кузь-
мич, отошёл? Лучше тебе стало?

НИКОЛАЙ. Опять худо было!
Понимаете, он снова ехать хочет.

ЛЕВА. Да никуда я сейчас ехать
не хочу! Кто вам сказал? Я боюсь
ночью в лес ехать. Оставьте меня! Я
спать хочу.

НИКОЛАЙ (подходит к Лёве).
Долго это будет продолжаться? Ты
слышишь? Уже спит! Не притворяй-
ся! В самом деле спит.

(Вбегают Вова, Таня и Стёпа).

ОВОА. Фёдор Кузьмич! Вам уже

лучше? Можете с нами сейчас за ёлкой поехать?

АРТИСТ (глядя на Вову). Позвольте... Вы кто?.. Ничего не понимаю!

КУЗЬМИЧ. Я уж давно ничего не понимаю!

АРТИСТ. Вот это фокус!

ОВОА. Какой фокус?

АРТИСТ. Ты же вот на скамейке сидишь?

ОВОА. Я... сижу?

ТАНЯ. Как это он... на скамейке сидит, если вот он — стоит!

СТЕПА. Вы что-то путаете...

КУЗЬМИЧ. Ох, кто бы всю эту историю распутал...

ОВОА (подходит к спящему на скамейке Лёве). Ребята! Лёвка здесь!

ТАНЯ. Ну? Это его брат...

(Все направляются к спящему Лёвке).

АННА ЕГОРОВНА. Господи! До чего похожи!

КУЗЬМИЧ. И бывает же такое на свете!

СТЕПА. Их и в классе путают. НИКОЛАЙ. Как у известного поэта...

И не могут разобраться
Папа с мамой много лет,
Потому что рожа братца...

ОВОА. Абсолютно мой портрет.

ТАНЯ. Что же нам с Лёвой делать? Будить?

КУЗЬМИЧ. Не надо! Без него обойдёмся.

СТЕПА. А всё-таки поехал Лёва. Это мы оказали влияние!

АННА ЕГОРОВНА. Эх, лучше бы и не приезжал! Не будь его здесь, у вас давно была бы ёлка.

КУЗЬМИЧ. Не тужи, Анна Егоровна! Мы сейчас мигом ёлочку достанем. Вон сколько у меня помощников! А ну, ребята, садись в сани — да в лес!

АННА ЕГОРОВНА. Счастливого пути!

ЗАНАВЕС

Как поставить спектакль

ЕСЛИ вы решили поставить у себя новогоднюю шутку, которая называется «ОВОА и Лёва», то, вероятно, вам будет интересно получить некоторые практические советы по поводу будущего спектакля.

Конечно, прежде всего хорошенько обдумайте, кто у вас будет играть, и распределите роли правильно. Самая сложная роль — это Овоа и Лёва. Это как бы одна роль. Вернее, эти две роли должен играть один исполнитель. Это вполне возможно и просто необходимо, потому что Овоа и Лёва похожи как две капли воды. Но похожи они только ростом, лицом, костюмом. А какие разные ха-

Советы режиссёра

рактеры у них! И вот исполнителю этих двух ролей следует очень точно играть. Когда он будет действовать, как Овоа, — это должен быть живой, сообразительный, дисциплинированный, вежливый, энергичный, весёлый мальчик. Кроме того, он должен иметь хорошую физкультурную выправку, не горбиться, красиво и ладно двигаться.

И наоборот, когда он будет играть роль Лёвы, эта тренированность должна уступить место вялой, ослабленной походке, спина чуть согнута, речь лени-

вая и бесстрастная... В отличие от своего брата Овоа, Лёва — зазнайка, не живёт интересами коллектива, труслив, мало находчив, неуклюж и не очень вежлив.

Значит, исполнителю ролей Овоа и Лёвы надо очень внимательно продумать поступки своих образов и, появляясь каждый раз на сцене, относиться к событиям, людям именно так, как это вытекает из характера братьев.

Вы, конечно, заметили, что между появлением обоих братьев всегда есть какая-либо сцена. За это время исполнитель должен и внешне чуть измениться. Ну, скажем, костюм может быть такой: лыжные брю-

ки, рубашка в клетку, тёплый пиджачок, пионерский галстук, шапка-ушанка и кашне.

И вот если у Вовы ушанка надета аккуратно, кашне повязано опрятно, то каждый раз за кулисами, перед тем как выйти в образе Лёвы, можно небрежно опустить одно «ухо» ушанки, кашне заболтать кое-как, а, скажем, из кармана высунуть газету. При этом ушанка и кашне у Вовы могут быть одного цвета, а у Лёвы другого.

Зрители сразу привыкнут к тому, что Лёва именно такой, и всегда будут различать Лёву и Вову. Кроме того, братья будут и совершенно по-разному вести себя.

Что же касается действующих лиц, то они, конечно, не смогут отличить, где Вова и где Лёва. Не смогут потому, что это мы, зрители, внимательно рассмотрели обоих мальчиков и увидели эти небольшие различия в их костюме. А действующим лицам не до этого. В самом деле — возьмём Анну Егоровну. Ну когда ей было разглядывать Лёву, если она вся была поглощена историей с разбитыми игрушками! Ещё меньше у неё было возможности вглядеться в Вову, которого она застаёт у санок, после того как минуту тому назад оставила «его» в клубе!

Это так, — скажете вы. Но они же ведут себя по-разному? Конечно! Но именно это и заставляет Анну Егоровну, Кузьмича, и Гришу, и Николая не понимать, в чём дело, недоумевать, почему один и тот же мальчик (как они думают) так по-разному себя ведёт. Легко себе представить, что и Анна Егоровна и Кузьмич в конце концов так запутываются, что им обоим не-

далеко до обморока. Они старые люди, и удивительное поведение мальчика их, конечно, очень разволновало.

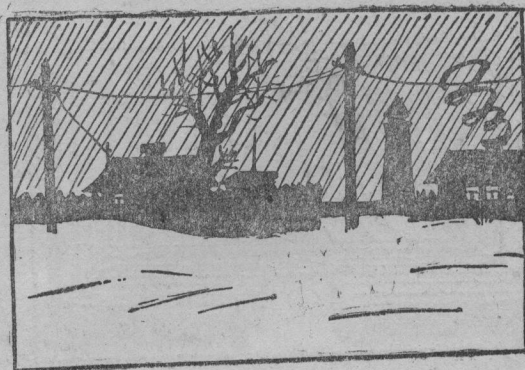
Репетируя эту пьеску, надо очень серьёзно отнестись к ролям Анны Егоровны и Кузьмича. Поставьте себя на их место. Что бы с вами было, если бы вы оказались в такой переделке? Вы бы сначала недоумевали, удивлялись, потом бы начали сердиться и, наконец, потеряли бы терпение. Ведь действительно, то, что происходит со стариками, похоже на какое-то наваждение! И тем более эта путаница выводит стариков из себя, что ни в какие наваждения они-то не верят! А между тем происходит всё время что-то непонятное. Анну Егоровну и Кузьмича надо играть как современных пожилых людей, работающих в колхозе, но попавших в странную историю.

В пьеске восемь ролей. Но на самом деле в ней девять ролей. И вот почему.

Всю пьесу роли Вовы и Лёвы играет один исполнитель. Но в конце, когда артист, утешая Кузьмича, показывает ему фокусы, есть такое указание: «Вова убегает. Артист продолжает показывать фокусы. **Никем не замеченный, входит Лёва...**»

Здесь происходит следующее. Опять входит наш

исполнитель обеих ролей, сейчас в образе Лёвы. **Никем не замеченный из действующих лиц** (потому что в этот момент все смотрят фокусы, которые показывает артист), **вход Лёвы должен быть обязательно ясно виден зрителям.** Зрители должны видеть, как Лёва украдкой пробирается в клуб, отходит в глубину сцены и садится на стул спиной к зрителям. Свой текст «Да никуда я сейчас ехать не хочу! Кто вам сказал?» и т. д. он говорит, не поворачивая к нам лица. К нему подходят Николай и Гриша. На один момент они закрывают его от зрителя, и в это время быстро должен быть заменён основной исполнитель роли на другого. Конечно, он должен быть точно так же одет и быть такого же роста. Сходство лиц в данном случае не имеет значения, так как Лёва теперь уже до конца сидит спиной к нам и крепко спит. Пока же Николай пытается его разбудить: «Долго ли это будет продолжаться? Ты слышишь?» и т. д., исполнитель за кулисами снова превращается в Вову и как ни в чём не бывало входит с Таней и Стёпой. Роли Тани и Стёпы не требуют особых разъяснений. Таня — хлопотливая и исполнительная девочка, ей очень хочется устроить праздник как можно лучше.

Стёпа — паренёк, склонный несколько преувеличивать значение официальных речей, и в этой слабости его частенько дружески уличают товарищи.

Несколько слов об артисте. По ходу пьесы он показывает фокусы. Безусловно, в школе среди учащихся старших классов вы найдёте паренька, который умеет делать простые фокусы — с шариком, с исчезновением платка и т. д. Можно сделать один-два фокуса, основанных на химических реакциях. Наконец в разных книжках можно найти описания несложных фокусов. Надо заметить, что самый простой фокус следует делать с большим достоинством, не торопясь, не смущаясь, и тогда вас поверят, что, кроме вас, никто не сможет этого сделать. На то и «фокусник»!

Хорошо, если к постановке пьесы будут привлечены различные школьные кружки — рисования, музыкальный и другие.

Декоративно оформить спектакль можно очень простыми средствами. Хорошо бы за вашим занавесом, на расстоянии 1,5 метра от него, повесить ещё один, тёмного цвета, раздвижной занавес. Тогда можно сделать так — первый эпизод играть просто на фоне основного занавеса, а за ним уже приготовить декорацию второго.

эпизода. В нём Вова бежит на лыжах в колхоз за ёлкой. Создать впечатление его движения можно следующим образом: из кулисы в кулису протянуть на верёвках, на высоте поднятых рук, белый материал. Внизу его можно чуть оттянуть вперёд — создастся ощущение сугроба. Вова, в центре сцены стоя на лыжах, будет делать на месте движения лыжника, а за «сугробом», в сторону, обратную движению Вовы, надо проносить маленькие макетики зданий, столбов, деревьев. Одним лучом осветите Вову, а в окнах макетных зданий сделайте свет (батарея и лампочка вполне для этого достаточны).

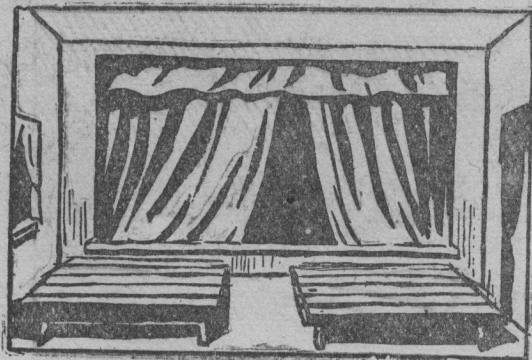
Когда первый эпизод кончится, погасите весь свет на сцене, в темноте быстро выставьте телефонную будку на авансцену, закройте первый занавес и снова дайте свет, теперь уже на телефонную будку. Вот уже

готов и второй эпизод. Сделать телефонную будку несложно, пусть над ней потрудятся ваши ребята из столярной мастерской. Конечно, стёкла в неё вставлять не надо, а телефон-автомат тоже можно сделать самим, как говорят в театре, бутафорским.

Вот так, чередуя места действия то на фоне первого занавеса, то на фоне второго, можно сыграть первые три эпизода. В эпизоде колхозной улицы достаточно выставить из кулисы кусок забора, а рядом поставить столб и зажечь на нём настоящий фонарь, а из зала сильным лучом осветить дополнительно это место действия.

Для последнего эпизода используйте всю глубину сцены. В этом эпизоде надо создать колхозный клуб. В глубине повесьте или нарисованный или задрапированный занавес, который как бы прикрывает сцену клуба. А впереди поставьте два-три ряда стульев спинками к зрителю, оставив в центре между ними проход. Никаких стен и дверей делать не надо. Вход в клуб может быть с левой стороны прямо из кулисы, а выход из клубного зала в другие комнаты — в правые кулисы.

Само собой разумеется, что можно найти и другие способы оформления спек-

такля. Например, вместо такого «сугроба» можно во всю сцену повесить экран и из глубины проецировать на него движущиеся здания, столбы и т. д. (Надо только найти правильный их размер, чтобы они были как бы где-то вдалеке). Можно иначе оформить сам клуб и т. д. И здесь режиссёр в коллективном обсуждении этих вопросов может найти много интересного. Ребята сами придумают и подскажут, что и как сделать. Надо так организовать работу вокруг спек-

такля, чтобы всем было до всего дело.

Используйте в спектакле музыку. Например, во время бега Вовы на лыжах — если он будет петь песенку, совпадающую по ритму с движениями лыжника, — это усилит иллюзию движения. Николай может петь и танцевать в то время, когда он репетирует Карабаса-Барабаса. Наконец, между эпизодами хорошо бы ввести музыку. Исполнять её можно на рояле, но ещё лучше, если ваш кружок струнных, духо-

вых инструментов или кружок баянистов будет сопровождать музыкой спектакль.

В школе найдутся всякие умельцы, надо только их заинтересовать, объяснить им, что нужно, и тогда работа вокруг создания спектакля закипит.

Когда вы сумеете организовать дружный коллектив, работать будет весело и интересно. А это — главное. Потому что в увлекательной работе создаётся настоящая дружба, настоящее товарищество!

С. ДИМАНТ

Корзинки есть, а где ребята?

(Загадочная картинка А. Илючека)

Прекрасный день!.. Грибов — полно...
 Сморчки, лисички и маслята
 В корзинки просятся давно...
 Куда же спрятались ребята?

Радости и горести

(Повесть в письмах)

От Люси Климовой —
Ирине Алдан. Деревня Марьино, 18 марта 194... года.

токалочку, я увижу, такая или нет. Ну вот, пришли ребята, я потом допишу.

* * *

Дорогая Ирочка, ты, наверное, удивишься, подумаешь, кто это мне пишет? А пишет тебе незнакомая девочка, зовут меня Люся, и я тоже тебя никогда не видела, а только слышала по радио, как ты играла на скрипке. Это было уже давно, и я всё думала о тебе и хотела написать письмо, а адреса не знаю. Потом надумала в радио написать.

Это они насчёт выставки забегали. В школе выставка будет, вот они и пришли взять рукавички для выставки. Я быстро их теперь вяжу, разные узоры вывязываю. Вся почти деревня теперь в расписных рукавичках ходит. Мы с тётей Настей красим шерсть в разные цвета; хочется, чтобы цвет ясный был.

В тот день, когда ты играла, у нас шёл мокрый снег, и окна все залепило. В комнате темно. И у меня нога болела. Наши все на работе, только мы с дедушкой дома. И всё мне надоело, даже книжку неохота читать.

А сейчас я тебе вяжу рукавички. Они будут двойной вязки, зелёные, а резинка — половина серая, половина чёрная. Кто-нибудь из наших поедет в Ленинград и сvezёт тебе.

После дедушка радио включил, и мы с ним слушать стали. И вот объявили: «Ирина Алдан, тринадцати лет, сыграет на скрипке первую часть концерта...» — не помню какого. Мне не очень понравилась музыка, хотя ты очень быстро и хорошо играла. А зато потом ты стала играть «Поэму» Фибиха, и это мне понравилось больше всего, что я в жизни слышала. Я потом всё старалась не забыть мотив, но всё-таки забыла.

Ну, до свиданья, Ирочка, дорогая моя подружка! Напиши мне ответ, что согласна со мною дружить, и выступи ещё раз по радио, пожалуйста.

У тебя, наверное, есть подруга, и ты ей про меня расскажешь и письмом моё покажешь.

Твоя ЛЮСЯ.

От Ирины Алдан — Люсе
Климовой. Ленинград, 25 марта 194... года.

Дорогая Люся!

У нас в деревне много девочек, только уж больно много они смеются, а я уже два года не хожу в школу. Мне хочется и поговорить, не всё же смеяться. Вот я лежу и с тобой разговариваю в мыслях, понимаешь? А позавчера видела тебя во сне, только не разглядела, какая ты. Я сама так воображаю: волосы у тебя чёрные, локонами по спине, а глаза голубые. И всё лицо такое задумчивое. Ты подари мне свою фо-

Сегодня 25 марта, я запомню этот день на всю жизнь. В этот день сбылась моя мечта. Я нашла друга. Я говорю себе: поздравляю тебя, Ирина Алдан, у тебя есть друг, ты получила письмо от друга. Сначала я расскажу тебе, как всё было. Сейчас ведь каникулы, и я решила побольше играть на рояле, а то я совсем рояль запустила. Сажу и играю гаммы. Звонки. Почта. Письмо из радиокомитета. Ага, думаю, опять выступать. Я не очень люблю играть

по радио, неприятно, когда публики нет, играешь, как в пустоте, только свои да дикторша. Мне всё кажется, что меня никто не слушает, а где-нибудь говорят: выключи радио — надоело!

Разрываю конверт, а там ещё один, и в нём — письмо от тебя! Прочла и сразу поняла, что ты будешь мой настоящий друг. Хотела сразу же тебе отвечать, даже начала уже писать, но не могла усидеть на месте. Стала почему-то носиться по комнате, такая дура! А Шерхан бежал за мной и хватал меня за ноги.

Значит, тебе понравилась «Поэма?» Я её один раз в концертном зале играла. И когда кончила, не сразу стали хлопать. Это такая коротенькая тишина, я её люблю больше

аплодисментов. Вот не терплю, когда кашляют, — значит, плохо играла. Не всегда ведь удаётся хорошо сыграть. Иногда какая-нибудь глупость помешает, вроде платья. У меня есть только одно концертное, из маминого эстрадного, чёрное бархатное с гипюровым воротником. Но я из него выросла, и если чулки не очень длинные, нехорошо получается: играешь, руки высоко держишь, и платье вздёргивается, видны голые коленки. Не могу же я играть и думать о чулках! Неужели непонятно? А мама говорит, не нужно шить. Они все — и папа, и мама, и Андрей Никандрыч — это мой профессор, — вообще не любят, когда я выступаю. Другим можно, им «эстрада не

противопоказана», даже уговаривают. Это тех, кто трусит, боится публики. А если я не трушу, значит, мне нельзя! Меня, видите ли, портит! А я люблю выступать. Люблю горящие прожекторы с двух сторон, люблю, когда меня слушают, и люблю, да, да люблю, когда хлопают. И ничего в этом плохого нет. В блокаду мы где только не выступали: и в госпиталях, и в жактах, и даже в землянках у бойцов. И как нам все были рады! Как нас все любили! А теперь — здравствуйте! — чуть не за преступление считают, если хочешь выступить. И ты думаешь, только взрослые так рассуждают? В том-то и дело, что нет. У нас одна девочка — председатель отряда — прямо на собрании заявила: Алдан слишком увлекается концертной деятельностью. А Никандрюч, профессор мой, говорит: научись думать пальцами, а аплодисменты — дело десятое.

Тебе смешно — «думать пальцами»? Я-то понимаю, но ещё не совсем научилась.

Ну, хватит про меня. Напиши, что у тебя с ногой? Это меня страшно беспокоит. Надо хорошему врачу показаться. И ещё не понимаю, ты пишешь, что в школу не ходишь, а потом «наш класс», как же это? Какая ты милочка, что связала мне рукавички! Понимаешь, в блокаду везде было очень холодно, и как я ни берегла пальцы, а всё-таки чуточку их поморозила. Теперь их надо очень кутать. Мама сшила мне рукавицы, они тёплые, но ужасно некрасивые, мальчишки берут их для бокса. Моя мама очень хорошо поёт, а шьёт плохо. А я сама ничего не успеваю.

Люся, пусть о нашей дружбе никто не знает. Это будет наша тайна. И знай, что у меня никакой подруги нет, а есть враг.

Ну, до свиданья! Целую тебя тысячу раз. Скорей напиши письмо, такое же огромное, как моё.

Твоя Ирина АЛДАН.

Да, насчёт карточки: не могу прислать, у меня нет похожей.

От Люси Климовой —
Ирине Алдан. Марьино,
30 марта 194... года.

Дорогая моя подружка! Вот как жизнь моя переменялась. Просто не поверить, что такая девочка со мной дружит, мне письма пишет!

Нынче вечером тётя Настя с работы пришла, лампу зажгла, самовар поставила, попили чаю, потом она в правление пошла. Тётя Дуня — к соседке, а бабушка — на печку, спать. Лежу, вдруг кто-то в окно стукнул. Я по стуку сразу признала — Феликс. Я тебе не писала про него, это наш колхозный почтальон, школьник. Ну, стукнул, значит, сейчас зайвится. Письма-то я и не ждала: он вечерами не носит. Так, думаю, проведать пришёл. А он, как вошёл, сразу: — Не знаю, что, говорит, с тобой и делать, плясать тебя не заставишь. — Ух, я как закричу! Ты, кричу, письмоносец и должен письма безо всякого отдавать!

Я, говорит, не обязан в неурочное время бежать сломя голову, чтобы гражданке Климовой корреспонденцию доставлять. — Ну, прямо на нервах играет. Ладно, говорю, я тебе спою. А у меня голос неверный, плохо пою. Он и руками замахал: спасите, граждане! — подаёт письмо.

Ты спрашиваешь, что у меня с ногой? Она у меня ранена. Мы с мамой в Калинин жили и от фашистов бежали, по дороге они начали нас бомбить, ну вот и ранили. Ещё ты спрашиваешь, почему я про шестой класс говорю — наш класс: так я же в нём учусь. В школу не хожу, мне ребята уроки домой приносят, помогают. Вот этот самый Феликс геометрию объясняет. Учительница тоже приходит, проверяет. Осенью, наверное, в школу пойду. Мне всё костыли обещают, а не дают, полужи, говорят, ещё. Если бы ты знала, как лежать надоело!

Пока кончаю письмо. Тётя Настя пришла, велит спать, сейчас лампу загасит. Завтра опять писать буду. Да, кто же это у тебя враг, не поняла я?

31 марта.

Ой, не знаю прямо, как и писать! Случилось такое, и уж лучше я тебе сразу сознаюсь. Феликс всё выведал у меня. Вот как это было. Только я собралась тебе утром писать, он и является. Между прочим, говорит, это какая Алдан тебе пишет, не та, что по радио выступает? Я и глаза вытаращила. Нет, говорю, не та совсем. А ты откуда знаешь? — А обратный-то адрес — И. М. Алдан. — Я молчу, и он молчит. После говорит: — Я эту Ирину Алдан хорошо запомнил, она «Скерцо» Чайковского играла. — Вот тут я и попалась! Какое скерцо? «Поэму» она играла! Он и давай меня отчитывать: нечего, говорит, врать, если не уме-

ешь. А я и верно не умею. Ты теперь на меня рассердишься, что тайну не сохранила, боюсь, и писать больше не будешь.

У Феликса настоящая фамилия — Климов, как и моя. У нас в Марьине полдеревни Климовы, и у некоторых есть ещё какая-нибудь фамилия, чтобы не путать. Их уже давно Гармошкины зовут. У них дедушка был первый гармонист на деревне, а отец Феликса — гитарный мастер. Они все к музыке способные. Феликс на всём играет: и на гитаре, и на балалайке, и на домре. Он тебя два раза слышал. В тот раз был концерт школы-десятилетки при Ленинградской консерватории, это когда мы с дедушкой слушали. А ещё до этого

передавали выступления ребят, награждённых медалью «За оборону Ленинграда». Это мне всё Феликс рассказал. Значит, и ты медаль получила?

Я писем твоих ему не давала читать, только сама прочитала ему то место, где ты про врага пишешь. Спрашиваю: что ты думаешь, кто этот враг? А он, знаешь, что говорит: что это шпион и что ты буд-то его выслеживаешь. Я перепугалась и говорю: не может быть, она же девочка! Ну и что, говорит, она особенная, ленинградская. Феликс говорит, это раньше была кровная месть из-за наследства, а теперь, если уж враг, значит, общий.

Теперь у меня две тревоги: первое — кто твой враг; второе — что ты рассердишься и писать перестанешь. И пока не напишешь, покою мне не будет.

ЛЮСЯ.

*От Ирины Алдан — Люсе
Климовой. 5 апреля 194... го-
да.*

Люсенька моя родная!

Ну, могу ли я сердиться на тебя? Могу ли не написать тебе? А что Феликс знает, так и пусть себе знает. Только, чтобы уж больше никому. Феликс думает, мой враг — шпион! Смешной человек, это было бы хоть интересно, а у меня даже не враг, а врагиня, девочка, пианистка, Лена. Учится со мной в одном классе, председатель совета отряда.

Живёт она у нас, недавно только из эвакуации вернулась. Её мама — школьная подруга моей мамы, она доктор, папа тоже доктор, хирург. Они ещё не демобилизовались из армии.

Ты бы знала, как я ждала эту Лену, когда узнала, что она из Сибири едет прямо к нам! Вот, думала, будет у меня друг. Потом, она ведь пианистка, играть можно вместе, она мне будет аккомпанировать. Это, знаешь, как сближает?

И вот, здравствуйте, приехала. И ничего не получилось. Мне теперь ни в школе, ни дома покою нет. Ну вот

тебе пример. У нас есть такое занятие — ансамбль скрипачей. Вообрази: пятнадцать человек играют в унисон, тянут все вместе одно и то же. Говорят, это дисциплинирует и нужно для чистоты интонаций. А мне всё это ни к чему. Я ведь уже в большом симфоническом оркестре играю, в нашем, консерваторском. Сам Никандрыч как-то сказал (не мне, конечно, я случайно узнала), что у меня на редкость чистая интонация. Ну вот я и отменила для себя эти занятия. Это же специальный предмет, и на успеваемость класса мои пропуски повлиять не могут. Никак я не думала, что Лена и тут вмешается. Она же не скрипачка, какое ей дело! А ведь вмешалась. Сначала прочла мне нотацию: сознательность, дисциплина, всякие слова. Я сказала, что у меня на это есть свои причины и даже постаралась объяснить ей. Да разве она способна понять!

Ох, простить себе не могу, что я, да, я сама выбирала её в председатели! Правда, мы выбирали её за железный характер, мальчишки её побаиваются, а это очень важно. Вот и выбрали. Но это совсем не значит, что я во всём должна с ней соглашаться! Я, например, считаю так: артист, музыкант, художник должен отдавать своё искусство народу. Иначе зачем нужна музыка? И для чего нас учат? Конечно, мы ещё не настоящие артисты, знаю прекрасно. Ну и что же? Ведь и нас слушают с удовольствием. А нам радость.

Я вот выхожу на эстраду, поднимаю смычок, играю. Если это, например, Осенняя песнь Чайковского, люди сидят задумчивые, печальные, думают про что-то своё. А вот я исполняю что-нибудь светлое, радостное, и лица веселеют, люди забывают свои огорчения. Это я очень хорошо поняла, когда выступала у раненых. И потом, по-моему, наша, музыкантов, обязанность уже сейчас помогать всем людям, как тимуровцы помогают старикам и больным. Ну, а Лена рассуждает иначе. Для неё главное — её план работы, мероприятия, сборы.

Ты не думай, что я против пионер-

ских сборов, я даже сама придумала тему: «Композитор и море». Это про Римского-Корсакова. Я бы рассказала, как он был моряком, как попадал и в штиль и в шторм, как потом написал музыку, передал море в своих сочинениях. Помнишь Шехеразаду? И вообще это замечательно — быть моряком и композитором! Я, конечно, об этом своём замысле никому не говорю. Зачем? Чтобы испортили всё? Ведь у нас как? Сейчас Ваня Королёв сделает доклад про детские годы Чайковского! Вот выходит и начинает «излагать», как на экзамене. Потом Лидочка Мельникова, робея и спотыкаясь, пробормочет про «Времена года». Сестрички Валя и Ляля отбарабанят вальс из «Щелкунчика», совсем как на уроке, хуже, чем на уроке. И так далее. Очень содержательный сбор! А Лена сияет: «мероприятие выполнено». Можно там где-то галочку поставить. А что скучаю, — это её мало беспокоит. Вот только Ира, видите ли, «играла хуже, чем на концерте». Это она мне каждый раз преподносит. А как же, она думает, я могу играть, если меня тошнит от таких «мероприятий»?

Ох, сколько написала, и всё о Лене. Хватит!

Про медаль Феликс правильно сказал: мы все ребята из концертной бригады Дворца пионеров награждены за выступления на фронте. Только никакие мы не особенные: ведь тогда фронт очень близко был, на трамвае доедешь. Жили мы все в детском доме. С Консерваторией я не уехала, потому что мама заболела.

В детском доме хорошо жилось, дружно. Мы заботились друг о друге. А теперь и учиться стало труднее и вообще всё не клеится. Мама часто уезжает в гастрольные поездки, папа всё старается из меня человека сделать. А главное — Лена. Я по папиному лицу вижу, что он уже знает про ансамбль: успела доложить. Я сегодня так на всё это разозлилась, что, когда скрипку настраивала, квинту перетянула, она и лопнула. Всё из-за Лены.

Дорогая Люсенька! Какое счастье, что ты у меня есть! Ты одна меня понимаешь. Целую тебя. Привет Феликсу.

Я прочла «Аэлилу» Алексея Толстого. Ух, как интересно! Непременно достань и прочти.

Твоя ИРИНА.

*От Люси Климовой —
Ирине Алдан. Марьино,
10 апреля 194... года.*

Дорогая Ирочка! Просто сказать не могу, как мне тебя жалко, что ты так расстраиваешься из-за Лены. Только, может, ты напрасно очень уж переживаешь. Я ведь к Феликсу тоже прицепляюсь, что ноги не вытирает, когда в избу входит. Или другой раз понапрасну на братишку налетит, вот я его и ругаю. Он иногда и поворчит, а по-настоящему не обижается.

Я если, бывает, рассержусь, сейчас — за вязанье, вот и успокоюсь. А Феликс, тот за молоток хватается; в хозяйстве всегда нужно прибить чего-нибудь, вот он и давай колотить, сердце и отойдёт.

Я всё думаю, как бы это вас с Леной помирить? Может, если бы ты её поучила, как интересно сборы проводить, она бы тебя послушала. Ты это так хорошо написала про музыку и море. Вот бы ей и сказала, так сбор бы и провели.

Ты, Ирочка, не расстраивайся, из сердца выброси это и будешь счастливая.

А я так рада, что ты из-за Феликса не обиделась на меня, что будешь писать. До чего ж бы я хотела с тобой по Ленинграду погулять!

Твой поклон я Феликсу передала, так он даже красный весь стал. Ничего не сказал, а сразу видно — очень обрадовался.

Ирочка, будешь сниматься, непременно мне карточку свою пришли. Ну, до свиданья, моя родная подруга! Сейчас буду маму ждать; она в городе на селекционной станции работает. У ней много дней выходных накопилось, вот она и придет.

Целую тебя. ЛЮСЯ.

От Ирины Алдан — Люсе
Климовой. Ленинград, 16 ап-
реля 194... года.

От Люси Климовой —
Ирине Алдан. Марьино,
22 апреля 194... года.

Люсенька, дорогая моя подружка!

Я прочла твоё письмо, подумала и знаешь, что сделала: пошла к Лене и рассказала ей мой замысел про Римского-Корсакова, как ты советовала. Думаешь, она обрадовалась, вдохновилась? Ничего подобного: помолчала, а потом говорит: «Да, можно вставить в план». Ну, видишь? Как такому человеку отдавать свои мысли, мечты?

Послушай, что было дальше. Со мной сегодня приключилась ужасная глупость: сорвалась на контрольной по геометрии. Не люблю геометрии. Ну на что она музыканту? Но не в этом дело. Словом — двойка. И, к сожалению, это не только меня касается, а то я не печалилась бы нисколько: двойка, так двойка. Но вот класс... соревнования. И я решила тут же дать классу слово, что я исправлю отметку хоть на четвёрку. И только я это решила, вдруг встаёт Лена и заявляет: «Я обещаю подтянуть Иру по геометрии». Что мне оставалось делать? Я сказала: «Спасибо Лене Корецкой, но я уж сама как-нибудь». Получилось глупо.

Теперь вот что, Люся: я тебе даю слово получить четвёрку по геометрии (пятёрка не выйдет, знаю). Ты думаешь, у меня нет воли? Есть. Если у меня какой-нибудь пассаж не получается, я могу это место повторять двадцать раз, пятьдесят, сто, и в самом медленном темпе, пока не придёт настоящая лёгкость, пока не зазвучит так, как будто это не я играю, а само играет. И я эту геометрию вызубрю, что бы там Лена ни говорила.

Люсенька, ты опять просишь у меня карточку. Я не хочу снимать, плохо выхожу на фотографии, у меня лицо не фотогеничное.

Кончаю письмо, иду зубрить проклятую геометрию.

Целую. Твоя ИРА.

Дорогая Ирочка!

Вот что мы сегодня с тётей Настей надумали. Ирочка, попроси свою маму и своего папу, пускай они отпустят тебя к нам в Марьино сразу, как экзамены кончатся. Ты им скажи, у них колхоз хороший, после войны хорошо поправляемся. Тётя Настя бригадиром сейчас, ей новый дом построили. Скажи, у Настасьи Климовой свои куры и гуси, свиные резали, сала насолили. Скажи, мёд есть, дедушка наш за пчёлами ходит; а мёд, он ещё полезнее конфет. Скажи, дома у них все смиренные, непослушные, никаких хулиганств не бывает, а то бы тётя Настя живо за дверь выставила. А жить мы с тобой будем в горенке, это такая пристройка.

Ирочка, попроси, уговори, скажи, Климовы все приглашают. Они меня все жалеют, боятся, чтобы я не сучала в деревне.

Мы лошадь за тобой пошлём и в бричку много сена положим. От станции тридцать два километра. Феликс за тобой поедет. Я той дорогой уже три раза ездила. Последний раз, когда домой после операции ехала. Это уже в августе было.

Дорога сначала ровная, шоссе-ная, потом на просёлочную сворачивает, всё лесом и лугом, потом через речку, у моста брёвна прыгают, и опять лесочком.

Там есть одно место, как горелую пустошь проедешь, сразу лес тёмный и папоротники растут огромные. Здесь Феликс каждый раз говорит: «Куда ты завёл нас, не видно ни зги, — Сусанину с сердцем вскричали враги». Феликс нарвёт папоротников, я уж знаю.

А если дождь пойдёт, Феликс тогда из-под сиденья кожан вынет и тебя укроет, и дождь будет по тебе стучать, а не промочит.

В Марьино приедете, уж темно. Наш дом пятый от края. Ребята прибегут, скажут: — едут! А у нас уже

всё готово, самовар кипит, в печке всё поспело.

Потом за стол сядем. Тётя Настя угощать начнёт, варенец подаст, знаешь, такая простокваша с коричневыми пенками? Потом свинину жареную поставит с картошкой, после чай с мёдом и ватрушками. Все едят, а тётя Настя станет у печки и смотрит. А если скажут — вкусно, она скажет: «Ну, уж какой вкус!» Потом мы пойдём спать в нашу горенку и будем разговаривать, потом заснём, а потом будет уже утро.

Я тебя, Ирочка, ещё за то люблю, что ты простая и не гордишься, и про себя даже говоришь, как ты другой раз ленишься или не так делаешь. А я знаю, что лучше у меня нет и никогда не будет подруги. Вот ведь я ещё и не думаю, кем буду; раньше говорила, в балерины пойду — очень танцевать любила, а теперь уж какой там балет! А у тебя уже сейчас есть специальность. Я никогда ни одной такой девочки не знала во всю жизнь.

Приезжай, Ирочка, пожалуйста! Ты только сама захоти, неужели тебе папа и мама откажут?

Целую тебя. Твоя ЛЮСЯ.

От Ирины Алдан — Люсе Климовой. 22 апреля.

Дорогие друзья, Люся и Феликс! Ура! 2 мая в 19 часов 20 минут слушайте радио. Я буду играть скрипичную сонату Грига.

И пусть Феликс непременно послушает нашего виолончелиста Володю Бирюкова, это прекрасный музыкант. Лена будет играть первую часть концерта Мендельсона. Сейчас за стенкой выколачивает октавный этюд Черни — технику набивает. Её тоже стоит послушать. Остальное мало интересно. В первый раз в жизни жду с нетерпением выступления по радио, прямо себя не узнаю, волнуюсь ужасно. Это всё потому, что вы будете меня слу-

шать. Непременно напишите мне оба, как понравилось. Честно напишите. Ну вот, Лена перестала греметь, надо скорее браться за скрипку.

До свиданья. Ваша ИРА.

От Люси Климовой —
Ирине Алдан. 30 апреля.

Дорогая Ирочка! Только что получила от тебя письмо, а тут Феликс с ребятами прибежал. Я им сказала. 2-го все придут тебя слушать. Ты не сердись, что опять тайны не получилось, но всем же интересно.

Завтра 1 Мая. Наши все готовятся, школу уже украсили, и везде разноцветные лампочки повесили. Ребята пойдут к сельсовету, там у нас всегда по праздникам собираются. Они мне расскажут, как всё было. Почему ты не пишешь, приедешь или нет? Неужели тебя не пускают? Уговори, Ирочка, чтобы пустили. А может, ты сама не хочешь приехать, боишься — скучать будешь?

Больше писать нет времени, надо ещё дошить одной девочке костюм. Она будет выступать китаянкой.

Целую тебя. Твоя ЛЮСЯ.

От Люси Климовой —
Ирине Алдан. 2 мая.

Дорогая Ирочка! Что же это случилось? Почему ты не играла? Мы все собрались: тётя Настя, тётя Дуня, дедушка и мы с Феликсом. Его ребята из оркестра пришли и ещё две девочки. Полная изба набилась. Объявили, что учащиеся школы-десятилетки Ленинградской консерватории. После каждого номера Феликс говорит: «Сейчас Ирину Алдан объявят». И всё нет и нет. Феликс, тот всё равно слушает, ему всякая музыка интересна, а я и слушаю, да не слышу. Жду и жду. А тут ещё ребята пристают: «Где же твоя Ира?» А мне и сказать нечего. Вышло, будто я нахвали-

лась, что у меня такая подруга. Уже не захворала ли? И на моё письмо не ответила, где в Марьино зову, и нынче по радио не играла.

У нас всё благополучно. Выступали вчера ребята хорошо. Я-то не видела, а наши рассказывали, им здорово хлопали. Завтра ещё праздник, а потом начнут к экзаменам готовиться. Меня освободили. Ребята мне завидуют, а я им. Дали бы костыли, я бы и думать не стала, пришла бы в школу и за парту села — спрашивайте.

Напиши скорей, здорова ли и приедешь ли в Марьино?

Твоя ЛЮСЯ.

От Люси Климовой —
Ирине Алдан. 6 мая.

Дорогая Ирочка! От тебя всё нет письма. А у меня такая радость! Мне дали костыли! Приехала к нам в Марьино новая докторша, молодая и очень хорошая. Долго меня осматривала, потом говорит: «Согни ногу». А мне никак. Докторша сама взяла да стала мне ногу сгибать в коленке. Тётя Настя растревожилась, говорит: «Ой, не нужно, повредит она себе!» А докторша смеётся: «Не повредит». Потом встать велела, под руку меня взяла и давай со мной по комнате ходить. А ногу мне всё равно не согнуть, ставлю её, будто деревянную. Потом докторша меня оставила и отошла. Я и села прямо на пол. Смеху было! Она говорит: «Ты трусиха, тебе давно ходить пора». Я бы рада, говорю, да костылей не дают. «Будут тебе костыли». С тем и ушла.

Тётя Настя сердится. Я, говорит, отступаюсь, пусть мать решает, когда приедет.

И вдруг приходит Маруся — санитарка — и приносит мне костыли, хорошенькие такие, жёлтенькие. Я схватила и давай вышагивать. Дедушка кричит: «Ты ступай, ступай на ногу-то!» А тётя Настя рукой махнула и в сени пошла.

Вот я теперь с костылями. И на экзамен со всеми пойду, пусть как хотят.

Теперь слушай, что дальше было.

Ты любишь грозу? Я люблю. Ну вот. Дедушка ещё утром сказал: «Парит, гроза будет». И верно! Только отобедали, она и началась. Сперва ветер поднялся, всё погнал по улице: пыль, солому, у кур перья дыбом, собаки как-то боком бегут. Тётя Дуня кинулась окна закрывать, причитает чего-то; тётя Настя побежала бельё снимать. Вот, пока все сутились, я со своими костылями вышла и на зады пошла, где огород, грозу глядеть. Только до бани дотащилась, как громыхнёт! Я — в баню. Дверь из предбанника открыла, сижу, смотрю. Туча поползла, молнии проскакивают. А потом дождь полил, да такой проливной, что сразу ручьи потекли. А баня у нас низко врыта, и вода хлынула. Ну, я дверь закрыла, и на крючок, а то она отходит, и в самую баню пошла. Там окошечко маленькое, насовсем вделано: его дождём заливают, не видно ничего. Вдруг слышу — в дверь барабанят. Ну, думаю, тётя Настя за мной. Открываю, а это Феликс. Он сразу за костыли схватился —

как да что, да чтобы встала, да чтобы пошла. А потом он мне, знаешь, что рассказал?

Нет, не буду писать, скоро ты сама всё узнаешь. Очень интересный секрет.

Целую тебя. Твоя ЛЮСЯ.

От Ирины Алдан — Люсе Климовой. 2 мая.

Дорогая моя далёкая подружка! Сейчас пятнадцать минут восьмого. Через пять минут начнётся радиопередача. Вы с Феликсом уже приготовились слушать Ирину Алдан. А она, эта самая Ирина, сидит в скверике и как попало строчит тебе письмо. Я не играю сегодня: меня сняли с выступления. Виноват в этом мой враг. Теперь ты понимаешь, как это серьёзно? Разве такое выбросишь из сердца?

Я убежала сюда, подальше от всяких радиоприёмников и репродукторов, чтобы ничего и никого не слышать. А вот сейчас вдруг больше всего захотела быть там, в радиостудии, в этой тихой комнате, где стены и пол затянуты сукном, где люди, уже входя, говорят тихонечко, а когда включён микрофон, всё замирает и объясняться можно только знаками. И спокойный, ровный голос диктора. Какое это всё-таки чудо — радио! Мы привыкли и не думаем. Я поняла это по-настоящему только сегодня, когда меня этого чуда лишили.

Ну, а теперь другое. Люсенька, родная моя! Я не поеду в Марьино.

Так надо. Наша дружба должна остаться такой же далёкой, какой была до сих пор. Только не думай, что меня не пускают. Нет, мама и папа были бы даже рады, сказали бы: — вот такой друг и нужен Ирине. Потому что ты ведь чудесная девочка, Люся, и они это сразу увидели бы, если бы прочли хоть одно твоё письмо. Но они ничего не знают! Во всём Ленинграде ни один человек не знает о нашей переписке. Так что мама и папа тут ни при чём. Это я сама отнимаю у себя огромную радость, потому что знаю, чувствую — иначе не сберечь нашу дружбу. Береги и ты её. Не

спрашивай ни о чём, не огорчайся, не жди меня. А если можешь, пиши мне по-прежнему и хоть немножко люби свою далёкую

ИРУ.

От Люси Климовой — Ирине Алдан. Письмо, привезённое Феликсом собственноручно.

Ну вот и секрет. Вот и Феликс. Это из нашего района отличников премировали поездкой в Ленинград. Он хотел к тебе неожиданно явиться, потому и просил не писать. Хорошо получилось?

Ирочка, я очень боюсь, что Феликс застеняется, и ты подумаешь, что он глупый. С ним, знаешь, как надо? Ты его спроси, будто тебе интересно, как его отец гитары делает. Феликс станет рассказывать, какое дерево берут, как его сушат, как выгибают, после он осмелеет и с ним уже про всё можно будет говорить. Узнаешь, какой он. Я будто вижу, как вы сидите в вашей комнате около рояля и разговариваете. Я всё ещё от тебя ответа не получила, но теперь я на Феликса надеюсь, что уговорит. Он даже взрослых уговаривать умеет. Только бы здоровая была.

Твоя ЛЮСЯ.

От Люси Климовой — Ирине Алдан. 10 мая.

Дорогая моя Ирочка! Только Феликс уехал, как братишка его несёт мне письмо.

Ну, как мне тебя жалко, прямо сказать не могу! И до чего же вредная эта твоя Ленка! И как это она могла такую волю взять? Чего же взрослые глядели, если она по злобе не дала тебе выступить?

А почему ты не хочешь к нам ехать? Говоришь, родители пустили бы, так почему же им не сказать? Я теперь только на Феликса надеюсь. Он уговорит тебя. А может, и Лёну усовестит. Ты только от него не таись, всё выскажи.

Я уже с нашими девочками говорила, как вы на речку будете ходить купаться. Мне-то нельзя, я на бережку буду сидеть, а вы вперегонки

на тот берег поплывёте, там ландышей много в лесочке, место тёмное и сырое — ландыши долго, чуть не до середины лета, там растут.

А ещё, говорят, к нам скоро из Ленинграда студенты приедут, будут в деревне электричество проводить. В каждую избу проведут. А Феликс обещал в нашу пристроечку тоже проводку сделать, он это тоже умеет.

Теперь буду от него письма дожидаться, всё в точности опишет.

Целую тебя и жду непременно.

Твоя ЛЮСЯ.

*От Феликса Гармошкина —
Люсе Климовой. Ленинград.
Гостиница, 15 мая 194... года.*

Здравствуй, Люся, ничего весёлого тебе сообщить не могу, хотя мне в Ленинграде очень весело и интересно. Но с нашим делом получилось жуткое безобразие.

Иру Алдан я не видел. По адресу ходил и в квартире был, а её не застал, а с письмом и рукавичками совсем худо получилось. Я, когда в квартиру попал, слышу крик, как на базаре. Гражданин, который мне открыл, постучал туда, где крик, и ушёл. А оттуда девчонка выскочила, рыжая, трёпаная, глаза запухли, видать, ревела. — Вам кого? — спрашивает.

Ирину Алдан, говорю. Она будто испугалась и тихо говорит: дома нет. Я говорю: в таком случае извините, я после зайду, — и повернулся уходить. Тут она мне в рукав вцепилась и спрашивает, откуда я. Ну, сказал. А она: дайте, говорит, я передам письмо. Ну я, дурак, и отдал и письмо и рукавицы. Только спросил: а вы, мол, кто? Она говорит: тут живу, подруга. Я сразу так и понял, что это Лена. Хотел посылку и письмо обратно взять, да постеснялся. Иду по лестнице и думаю: наверное, она соврала, что Ирины нет дома, поди, они ругались, может, эта Ленка её побила, Ирине худо стало. Что ж, думаю, так и оставить? Решил пока что не уходить, подождать, а после опять туда пойду.

Стою на улице на другой стороне и соображаю, какие их окна на третьем этаже. Тут ведь не как в нашей деревне — домина такая, что в окошках запутаешься. Смотрю и вижу: подходит к открытому окну эта самая Лена и читает письмо, а на руках твои варежки.

Я было обратно побежал. После одумался, ну что я там буду говорить? Ругаться — некультурно. Надо хорошенько всё обдумать, как действовать. Пошёл домой в гостиницу, а по дороге письмо этой Лене сочиняю. Когда пришёл, мне от вожатой попало, что опоздал к обеду.

Потом мы все пошли в Театр оперы и балета имени Кирова. Там показывали оперу «Сказка о царе Салтане». Мы сидели в ложе в первом ярусе, и мне оттуда всё, как есть, было видно. Я одних скрипачей насчитал двенадцать человек. Видел настоящую арфу, на ней женщина играла. Пока был в театре, я про историю с Леной забыл, а как вышли, опять вспомнил. Зря я в эти ваши девчонские дела ввязался!

Ребята спать легли, а я стал ей, Ленке, письмо писать. Посылаю тебе копию. По-моему, культурно всё высказал.

Ну, слушай, как дальше было.

Два дня жду — никто не приходит. На третий день мне портёе говорит: «Молодой человек, где же

это вы всё гуляете? Без вас тут барышня красивенькая приходила в беретике, вас спрашивала. Вот, пакет просила передать». И даёт мне пакет, а сам смеётся. Ну я на его глупости внимания не обратил, развернул пакет, а там все твои письма и книга А. Толстого «Аэлита» и ещё маленький пакетик. Разворачиваю — рукавицы! Опять рукавицы! Ну, прямо, как у Гоголя красная свитка. Ничего не понимаю. Зачем она всё обратно шлёт? И мне ни полслова. Да я и не очень печалюсь. И верно, что я ввязался? Теперь кончено, у меня своих дел довольно. Больше обо всём этом думать не стану.

Ну, кончаю письмо, а то оно будет превышать установленный вес.

С пионерским приветом

Феликс ГАРМОШКИН.

Последи за братишкой моим, чтобы аккуратно разносил письма, если что — поругай.

От Феликса Гармошкина — Лене. Копия — Люсе. Гостиница, 13 мая 194... года.

Лена! Я извиняюсь, что не знаю Вашей фамилии и поэтому пишу просто Лене, но у меня другого выхода нет.

Лена! Каждый культурный человек, а тем более писмоносец, знает, что чужие письма нельзя читать. Нас за такие дела под суд отдадут и с работы снимают. А Вы себе это позволяете. Вы думали, я не видел, как Вы то письмо читали, а на руках у Вас в этот момент были рукавички. Я, конечно, про Вас не думаю, что Вы эти рукавички себе взяли, но я требую, чтобы вся указанная корреспонденция была доставлена по назначению. И пусть адресат мне сообщит об этом. Я живу в гостинице Англетер, номер 318, возвращаюсь поздно, потому что мы каждый день ходим в театр или на концерт. А если утром ей слишком рано, то пусть Ирина Алдан оставит мне записку у портье внизу, что всё получила, и дело с концом.

Феликс ГАРМОШКИН.

Лена, сделай всё, как я говорю, а то будут у всех неприятности.

От Люси Климовой — Ирине Алдан. Марьино, 20 мая.

Дорогая моя Ирочка!

Вот этого я и боялась, что скоро всё кончится. Наверное, всё хорошее скоро кончается. Сначала я письмо от Феликса получила, он там всё рассказал, как Лена моё письмо прочитала и как у вас там с ней что-то было, дрались, что ли. И что тебя он не видал. А вот теперь сам приехал, привёз мне все мои письма и рукавички. На что ты, Ирочка, рассердилась? Почему больше дружить не хочешь? Ведь сама писала: храни нашу дружбу, пиши. А теперь и вовсе дружить не хочешь. Что же я такое сделала? Я все свои письма перечитала, всё думала, что я там такое написала, что ты рассердилась? Я ведь пишу, что хочется, очень-то не думаю, что на душе, то и выкладываю: про варенец да про ватрушки, всякие глупости. И как я теперь нашим скажу? Они за меня расстроятся, тебя винить будут, а я этого не хочу. И что мне теперь делать, просто не знаю.

И Феликс тоже со мной больше дружить не хочет, говорит, зачем ввязался. Я это письмо ему не дам на почту везти. Он меня ругать будет, зачем пишу тебе, а я не могу, чтобы не высказать. Я дождусь, когда кто-нибудь на станцию поедет, и отдам письмо. А больше уж писать не буду.

Прощай, дорогая моя бывшая подружка.

ЛЮСЯ.

24 мая.

Пока я ждала, когда кто-нибудь на станцию поедет, Феликс получил от Лены письмо. Она ему написала в гостиницу, а оттуда переслала в Марьино. Феликс говорил, им там известно, откуда экскурсия. Лена так Феликса ругает, так ругает! А я теперь уж совсем ничего не понимаю. Лена пишет, что письма не читала и рукавиц не надевала и что будто Феликса она в глаза не видала. И зачем ей надо врать? Ну, созналась бы, что тут такого, что рукавицы примерила? Да хоть бы

и письмо прочитала, не убьют же её за это! Ведь потом-то она тебе всё передала, ты же в гостиницу сама Феликсу принесла. А может, это тоже была Лена? Да нет, отчего бы она стала мне «Аэлиту» присылать? Ведь она же не знает про «Аэлиту»? Сама ото всего отпирается, и ещё Феликс у неё виноватым остался. Он это Ленино письмо не сам мне принёс, а с Юркой прислал, братишкой. И записку. По записке вижу — больше не придёт.

Ирочка, поговори с Леной, может, всё разъяснится, может, всё ещё можно поправить. Ой, как у меня в голове всё запуталось!

«Аэлиту» я прочитала. Читала и плакала: мне и их жалко было и себя. Помнишь, как они расстались, до него её голос доносился? А до меня и голос твой не знаю когда донесётся. Я теперь радио и вовсе не выключаю, всё жду, может, сыграешь. Меня уж и костыли не радуют, так я горюю от всего этого.

Твоя ЛЮСЯ.

Записка от Феликса — Люсе.

Вот, читай, что я получил. Так мне и надо: не дружи с девчонками, в какое дело впутали. И я же нахальным грубияном оказался. Если я ещё не сумасшедший, то сойду с ума окончательно.

*От Лены Корецкой —
Феликсу Гармошкину. Ленинград, 16 мая.*

Феликс Гармошкин!

Вы называете себя культурным человеком, а поступаете, как последний грубиян или сумасшедший. Это недостойное поведение. Сначала я подумала, что тут какая-то ошибка: я вас в глаза не видела и никаких рукавичек не брала и не надевала: я-то ещё не сошла с ума, чтобы летом ходить в рукавичках, а читать чужие письма я вообще не привыкла. Но, вероятно, это не ошибка, а глупая и грубая шутка. Если вы знаете Ирину Алдан, значит, это вы с ней вместе впутали меня в какое-то скверное дело. Вчёрта она оскорбила меня, а потом подослала какого-то письмоносца с идиотскими

обвинениями и угрозами. Передать Ирине можете сами всё, что вам угодно, а от меня прошу добавить, что на этот раз я этого не прошу.

Елена КОРЕЦКАЯ.

*От Лены Корецкой —
Екатерине Филипповне Алдан.
5 июня.*

Дорогая Екатерина Филипповна! Перед отъездом Вы просили меня написать Вам непременно, если у нас что-нибудь будет неладно. Вы, пожалуйста, не волнуйтесь, ничего особенно страшного пока не случилось, но может случиться. Вы должны узнать: по-моему, Ира попала в дурную компанию.

Началось это так: около месяца тому назад я получила письмо от какого-то почтальона по фамилии Гармошкин. Даже нет, началось раньше. Ира пропустила ансамбль скрипачей. Я, как председатель отряда, сделала ей замечание. Ведь она срывает дисциплину, а мы соревнуемся с шестым «А». Ира стала разводить свои теории, что для неё это пустая трата времени, что у неё и так чистая интонация, что она сумеет с большей пользой провести эти часы.

Я тогда ещё ничего не подозревала, думала, что это обычная Ирина на недисциплинированность. Разговор не помог. Ира пропустила ещё и ещё. Тогда я сделала ей серьёзное предупреждение. Не помогло. Пришлось посоветоваться с ребятами, с вожатой. Поговорили с педагогами и постановили — снять Иру с выступления по радио в майские дни. Мы решили, что для неё это самое чувствительное наказание. Вызвали Иру в совет отряда и сообщили ей.

Вы знаете, Екатерина Филипповна, я даже не думала, что из этого получится такая трагедия: ведь Ира не очень любила радио — там нет аплодисментов. По-моему, она сначала просто не поверила. Приняла гордый вид и спросила: «Меня?» Ребят это «меня» взорвало. Миша Барышев так прямо и сказал: «Не воображай, что если ты первая по специальности, то можешь срывать дисциплину. Тебя, говорит, сняли с

концерта за то, что ты плохой член коллектива!» Ира как-то растерялась и совсем уж другим тоном переспросила: «Меня сняли с выступления?» И побледнела так, что все заметили.

После этого она ходила такая мрачная, что на себя была не похожа, и не один день, а всё время, целые дни. А второго мая после выступления я пришла домой — Иры нет. Я не знаю, где она была. Вернулась поздно. И так всё шло день за днём. Наконец я решила с ней поговорить по-хорошему: ведь надо было готовиться к экзаменам, а она совсем ничего не делала. Если и возьмёт скрипку, играет не то, что нужно. Вот я пришла с самыми хорошими намерениями, а она устроила мне настоящий скандал. Вы знаете, что она мне заявила? Что я свожу личные счёты, что из меня никогда не выйдет настоящая артистка, что я сухарь и метроном.

Разве я могла стерпеть? Тут началось такое, что стыдно рассказывать. И вот на другой день я получаю письмо от этого письмоносца. Читаю и ровно ничего не могу понять. Какие рукавички? Какой Гармошкин? Я это письмо посылаю Вам. Вы сами увидите, какая чепуха. Хо-

тела спросить Иру, тем более, что тут о ней говорится. Но Ира и слушать не стала, хлопнула дверью и закрылась на ключ. Ну, что мне было делать? Я думала, думала и приняла решение: написать по указанному адресу ответ, что чужого письма не читала, рукавичек в глаза не видела и чтобы меня оставили в покое. Послала письмо и всё равно не могу успокоиться. Надо показать Ире письмо или нет? Нужно сказать про всё Михаилу Савельевичу или нет? Решила так: сказать ему нужно, он же отец и должен знать. Но сначала всё-таки покажу письмо Ире, и пусть объяснит всё.

Вхожу и вижу: Ира сидит и что-то подчёркивает в книге. Увидела меня и живо — книгу под стол. Очень мне это странно показалось, но я виду не подавала, что заметила.

Кладу перед ней письмо Гармошки-на и спрашиваю: «Что всё это значит? Что это за тип? Какие у тебя с ним дела?» Она ничего. Пробежала глазами письмо и даже фыркнула, ей смешно. Подаёт мне письмо обратно и заявляет: «Это же тебе письмо, а не мне, откуда же я знаю, с кем ты переписываешься?» Видали такое нахальство! Я не выдержала и закричала: «Ира! Что с тобой? Пойми: тебя могут втянуть в какую-нибудь шайку! Я тебя спасти хочу!» Она вскочила и заорала: «Иди, положи на совете дружины!» И убежала в ванную.

Я пошла к Михаилу Савельевичу, но его не было дома. Я стала ждать. Слышу, Ира идёт в переднюю, потом хлопнула дверь — она куда-то вышла. Я побежала к окну и вижу — по тротуару идёт Ира с каким-то пакетом. Неужели, думаю, она отправилась к этому письмоносницу? А Михаила Савельевича всё нет и нет. Вы представляете себе моё состояние? Но Ира скоро вернулась, заперлась у себя.

Наконец вернулся Михаил Савельевич. Я показала ему письмо и сказала то же, что Вам: писем чужих не читала, рукавичек не надевала, Гармошкина никакого не знаю. Меня удивило, что Михаил Савельевич не очень рассердился. Он сказал: «Видали вы таких письмоносницев, которые живут в отелях, ежедневно увеселяются, назначают свидания, да ещё грозят порядочным людям!» Позвал Иру и очень спокойно просил объяснить, в чём дело. Но Ира, как только увидела, что и я тут, сразу начала кричать, что это я виновата, что я говорю гадости про её друзей и что они лучше нас всех. Михаил Савельевич крикнул: «Прекрати истерику!» Ира сразу притихла, только начала плакать и сказала, что она переписывается с одной девочкой после выступления по радио. А что почтальон этот — мальчик, пионер, гитарист, ещё кто-то, что он привёз ей подарок. А дальше уже ничего нельзя было понять, так она плакала. Что-то про друзей и про то, что теперь всё-всё испортили.

Михаил Савельевич сказал: «Вот

вам и результат выступлений: талант, триумф, поклонники, подношения...» Он потребовал, чтобы Ира показала ему письма и подарки, а Ира сказала, что у неё уже ничего нет и никогда больше не будет. И ушла. На этом всё и кончилось. Михаил Савельевич сказал, чтобы я пока оставила Иру в покое. И сама не очень-то волнуйся, сказал. А я не могу не волноваться. По-моему, он зря поверил Ире. Ведь вот ещё пришло письмо из Марьяна. Я посылаю его Вам в отдельном конверте.

Экзамены она сдала хорошо, ни одной тройки. Сейчас готовится к экзамену по специальности. Играет по 6—7 часов в день. Но со мной не говорит. Живём, как два врага. И почему так получилось? Ведь сначала мы дружили, а потом всё шло хуже и хуже. Наверное, мы по-разному понимаем дружбу. Я считаю, что друг должен быть требовательным и указывать недостатки. А Ира ищет таких, которые бы ей всё прощали.

У нас сейчас дома так скучно, что просто не выдержать. Екатерина Филипповна, я думаю, пока мама и папа не вернулись, мне лучше от вас переехать в интернат. Так больше продолжаться не может. Например, если я в её дежурство вымою посуду, так она в моё непременно тоже сразу бежит мыть. Назло. Так у нас и идёт теперь: я мою в её дежурство, а она в моё. А когда она со мной не разговаривает, нарочно громко говорит Шерхану то, что надо мне знать.

Дорогая Екатерина Филипповна, если можете, приезжайте скорее, я очень тревожусь за Иру.

Уважающая Вас Елена
КОРЕЦКАЯ

*От Ирины Алдан — Люсе
Климовой (зашифрованное).*

Прощай, Люся! Дружба кончена. Я наврала Феликсу, сказала — Иры нет дома. А это была я. Рыжая, зарёванная ведьма была я, Ирина Алдан. Я не хорошая, не особенная, лицо у меня не задумчивое, а злое, и волосы не чёрные, а как песок. Я ду-

мала — лицо, пусть, ничего не поделаешь, а сама исправлюсь. И не успела — Феликс приехал. Я ссорилась с Леной, кричала, гнала из комнаты, толкала, и она меня тоже толкнула, я упала, и тут позвонили, я думала — папа, побежала, а это был Феликс. Теперь ничем не поправишь. Возвращаю письма и рукавички, я их не заслужила. Ты думала, я другая, Теперь понимаешь, почему я не могла приехать? Пусть я буду совсем одна. Я и Шерхан. Мы оба лучше.

Люся, если догадаешься и прочтёшь по буквам это письмо, то прошу тебя, умоляю никогда никому не говори. А главное — Феликсу, Люся, ни за что. Прощай, моя дорогая.

ИРА.

*От Люси Климовой —
Ирине Алдан. 10 июня.*

Дорогая моя Ирочка! Так бы сто раз и писала: Ирочка, Ирочка, Ирочка! Потому что у меня опять есть письмо от тебя, да ещё такое, что для меня лучше всех. Ведь если я не виновата и Феликс не виноват, а только ты виновата, так это ничего. Ты всё это скоро забудешь, а я никогда не поверю, что ты плохая: письма-то ведь ты мне писала, никто другой, и на скрипке ты играла, так чего ж говорить!

А что ты другой раз бываешь сердитая, так я тебе на это вот что скажу: была бы у меня жизнь, как твоя, я бы, может, ещё хуже себя вела. Так что, когда всё лежишь, хвораешь, делать ничего не велят, все тебя жалеют. А если я когда плачу, так у меня нос тоже красный и лицо всё пятнами.

Ирочка, приезжай! Наши уже всё приготовили, горенку обоями оклеили. Обои голубые, белыми цветочками. Я никому не говорю, что ты не хочешь ехать. Всё надеюсь.

Новости у нас такие: я уже с одним костылём управляюсь. Студенты приехали, столбы поставили, теперь в школе проводку делают и в дома уже начали проводить.

Феликс больше не хочет быть по-

чтальоном, его на лето хотят колхозным конюхом определить. Он с конями умеет, и на трудодни больше. У них в семье трое маленьких, а ему уже пятнадцатый пошёл в апреле месяце. Он теперь с утра до вечера занят будет. Я говорю: «Как же ты теперь вечера самостоятельности будешь устраивать?» — «А Ирина, говорит, Алдан на что? Ей все эти дела сдам». Вот, без тебя распорядился. Ох, Ирочка, ты рассердишься, он ведь всё узнал. А моей вины в этом почти и нет. Я тебе скажу, как у нас получилось.

Я ведь очень недогадливая, мне бы никак не догадаться, что буквы с целью подчёркнуты. А Феликс тогда ко мне не ходил. Я «Аэлигу» прочитала и с Юркой послала Феликсу. Это позавчера. А сегодня утром сижу на бережку, думаю про свою жизнь, какая она у меня переменчивая. Была у меня подруга Ирочка, был друг Феликс, а теперь никого. И так я себя растравила, до слёз. И вдруг вижу — Феликс бежит и книгой размахивает. «Ты, кричит, читала?» — Читала, говорю. — «Да буквы, кричит, буквы!» Ничего не понимаю, какие буквы?! Он мне книгу под нос суёт. «В этой книге, говорит, ключ тайны. Это, говорит, не Лена была, а она сама. Я только немного прочитал — и к тебе. А тебя дома нет, насилу разыскал». Тут он мне всё разъяснил, и стали мы читать. А как дошли до места, где ты не велишь никому, а особенно Феликсу, говорить, я испугалась и хотела бросить читать, да уж тут и конец был. Что же теперь делать?

Да ну их, всякие тайны! Лучше приезжай скорее.

Твоя любящая ЛЮСЯ.

*От Ирины Алдан —
Феликсу Гармошкину.
12 июня.*

Здравствуй, Феликс!

Я пишу тебе потому, что Люся мне не ответила на одно моё письмо. Я надеялась, что она простит мне и напишет. Она не написала. Так и должно быть. Я сама разорвала нашу прекрасную дружбу. Но тебе я должна написать, потому

что очень перед тобой виновата. И вот я делаю самое трудное в моей жизни. Это труднее этюдов Паганини, труднее геометрии, но я это сделаю.

Феликс, возьми у Люси «Аэлиту» и прочитай подчёркнутые буквы. Сначала покажи ей это письмо, тогда она даст тебе книгу. И ты всё узнаешь.

Сегодня утром у меня был экзамен по скрипке. Я очень волновалась, хотя готовилась на совесть. Играла я «Фантазию» Вьетана. И вот, когда взяла первый аккорд, — случилось чудо. Вдруг поняла, всё дело в трусости. Не в такой, когда всего боишься, а когда страшно, что тобой перестанут восхищаться. Тогда начинаешь врать, хитрить и делаешься всё хуже и хуже. И я поняла, что надо сделать.

А почему — чудо?

Вот почему: аллегро модérато идёт семь минут, и целые семь минут я не знала, как играю. У меня и раньше случалось, что какой-нибудь кусок пальцы сами играют, но так, чтобы всё целиком, ещё не бывало.

И вот, когда я поняла, что надо написать тебе и всё сказать, оказалось, я кончила играть. Очень испугалась: как я играла? — Не знаю. Выдержала? Я не знаю. А вдруг провалилась? Но Никандрыч сказал: «Молодец, девочка, научилась думать и не только пальцами». А папа добавил: «Да, пожалуй, выйдет толк». И даже Лена вдруг подходит и говорит: «Я рада за тебя, Ирочка». Тут мы обе немножко заплакали, а Никандрыч закрыл нас спиной. Кажется, никто не заметил. Ох, это же тебе не интересно, Феликс! Мне показалось, что я Люсе пишу. Моя милая, ласковая, чудесная Люся! И я её потеряла!

Теперь, Феликс, когда ты прочитаешь моё письмо в «Аэлите», ты поймёшь, почему я отказалась ехать в Марьино, почему не могла приписать свою карточку, и почему спряталась от тебя в Ленинграде. Всё это трусость, глупость и эгоизм. С какой радостью поехала бы я теперь к вам! Но поздно. Завтра приезжает мама,

ни одного Люсиного письма. Но я зря всё это пишу, Люся и сама теперь не хочет со мной дружить, она и не позовёт меня больше. Так мне и надо.

Ирина АЛДАН.

НА середине большой продолговатой голи стояли два дубка. Один — стройный и тонкий, другой — приземистый, вихрастый и крепкий на корню... А вокруг ни былинки, ни кустарника, только мягкая низенькая мурава, да кое-где чернели большие каменные глыбы, которые во время коротких вспышек молний казались огромными сторожевыми псами. Сырой и тяжёлый, как волны морского прибоя, ветер хлестал, перекашивался по голе и в ярости набрасывался на молодые дубки. То, как руки пойманного беглеца, заломит в одну сторону упру-

гие их ветки и тянет с горы, то пригнёт деревца до самой земли, намереваясь, если не переломить, так вывернуть с корнем, поднять в облака и унести на край света.

Да не тут-то было. Это не хрупкая осина и не покорная, унылая лоза. Это дубки, молодые, тонкие, но уже коренастые и упрямые.

Тот, что повыше, только на миг пригнётся под ветром, но тут же упрямо тряхнёт кудрявой макушкой, выпрямится и снова стоит могучий, решительный, как борец, ожидающий нового удара противника. «Попробуй, налетай!».

Сколько таких ветров пронеслось над голей! Где они?

А дубки стояли. Твёрдо стояли. Набирались силы, красоты и удали.

— Гришкоо! Дубкам этим достаётся, как нам с тобою, — Ёжо старался перекричать ветер. — Их двое, а ветру против них вон сколько!

— Неужели ты думаешь, что против нас больше, чем за нас? Чу-

Продолжение. Начало см. «Искорку» №№ 8, 9 и 10 за 1958 г.

Краткое содержание предыдущих глав

Григорий Кравцов бежал из фашистского лагеря Бухенвальда вместе со словачком-коммунистом Вацлавом Гудба. В дороге Вацлав умер. Перед смертью он попросил Григория добраться до его деревни Туречка, разыскать Яна Ковача и предупредить его, чтобы береглись предателя Цотака. По заданию гардистов (словацкие фашисты) Цотак ищет «Валашку Яношика» — так называлась подпольная типография коммунистов. Умирая, Вацлав назвал ещё фамилию человека, к которому мог обратиться Григорий, но так тихо, что он не разобрал — то ли Благовер, то ли Долговер...

Добравшись до Малых Татр, родины Вацлава, Григорий случайно встретил трёх подростков — Цирила, Ёжу и Тоно. Придя за ними в деревню, он установил, что отец Цирила и был тот самый Ковач, которого он разыскивал. Но Григория опередили гардисты. Они избили раненого Ковача и потащили его в лес. Выждав удобный момент, Григорий перебил гардистов и освободил Яна, но было уже поздно: от побоев он умер. Цирилу и Ёжу Григорий сказал, что он русский. Цирил поручил Ёже отвести русского к баче Франтишеку, который поможет ему укрыться от гардистов. Бача спрятал их под Камень Яношика.

В доме коменданта Старогорской полиции Младена был переполох. Коменданту доставили очередную валашку (так называли листовки, напечатанные в подпольной типографии). Нужно было что-то срочно предпринимать. Но что? Как найти и уничтожить типографию — это гнездо коммунистов? И Младек вспомнил разговор с фараром (католический священник).

— Не симулирует ли Маречек? — спросил он. — Уже полтора года он разыскивает типографию, и всё напрасно, а коммунисты так ему доверяют. — Сегодня Младек ждёт Маречена, он заставит его перейти к решительным действиям...

У высокого утёса, с которого шумным водопадом падает речка, сидят у костра Григорий и Ёжо. Они ждут бачу и ведут душевную беседу. Григорий рассказывает о днях своей юности, о том, как началась война, как он попал к партизанам, а затем в плен... Гриша решил открыть часть своей тайны Ёжо. Он рассказал, почему оказался в этих местах, сказал, что должен разыскать Ковача или не то Благовера, не то Долговера. Ёжо поправил — Лонговера. Выяснилось, что это и есть бача...

По берегу Туречки шёл невысокий сухощавый человек. Это был горар Ярослав Кошик — лесничий, самый почётный человек в словацкой деревне. Подойдя к деланке, где работали лесорубы, горар тихо заговорил с ними. Он сказал, что сегодня будет партийное собрание, на котором должны выделить одного человека в типографию. Выдвигалась кандидатура Маречека. Вдруг послышался шум, и на поляну выбежал Маречек. Он был крайне взволнован и, сбиваясь, передал свой разговор с комендантом о подпольной типографии. После недолгих споров партийное собрание решило Маречека снять с работы в Старых горах, где он занимался слежкой за полицией, и направить в типографию, а типографию перевести в другое место и не называть больше «Валашкой Яношика»...

дак! — Поняв, что ветер гасит слова, как спички, Гриша повернулся к Ёже и сказал ему на ухо: — Нам такая погодка на руку. У коменданта никого постороннего не будет.

— Гришкоо! Что ты задумал? — в который раз спрашивал Ёжо.

Но Гриша только ускорял шаг.

Только спустились с горы — сверкнула молния, ударил гром. На землю тяжёлым каскадом обрушился дождь. Ветер потерял прежнюю си-

лу, зато стал холодней и пронзительней. Он свободно гулял по спине, по ногам и за пазухой ребят.

Новая вспышка молнии осветила перед путниками большой чёрный крест.

— Святой копечек, * — со страхом прошептал Ёжо на ухо товарищу. —

* Святой копечек — большой деревянный крест, в жертву богу воздвигнутый где-нибудь на перекрёстке или голе.

Отсюда тропинка ведёт в Старе Горы, прямо к дому коменданта.

Когда вспышка молнии ещё раз озарила крест, Гриша увидел женщину в мокром тряпье, уткнувшуюся головой в основание креста. В ту же минуту Ёжо схватил его за руку и потащил в сторону.

— Замёрз? — спросил Гриша, чувствуя, как дрожит рука его проводника.

— Под крестом моя matka, — стуча зубами, ответил Ёжо.

— Что она тут делает?

— Молится.

— Молится ночью, в такую погоду?

— Она умом тронулась. Ещё в начале войны. И теперь ничего не делает, только молится... Гришкоо... огонь! — лязгая зубами, с трудом выговорил Ёжо. — Это на кухне в доме коменданта.

— Ты точно знаешь, что на квартире коменданта есть телефон?

— Конечно! Я сто раз бывал у Божены! — ответил Ёжо, явно преувеличивая.

— Ещё раз повтори мне, как там расположены комнаты. Где входы, выходы... Кстати, вот тебе деньги. — Гриша протянул Ёжо сто крон. — Если со мной что случится... Одним словом, если я из этого дома не выйду, беги к бабке Лонгаверихе. Передай деньги. Пусть подкупит поли-

цейских и добьётся свидания со стариком. Если бабки не найдёшь, пусть ещё кто-нибудь, надёжный, проберётся к старику.

— Зачем?

— Некогда объяснять. За эти деньги часовые согласятся?

— За сто крон? Да они за десятку...

— Впрочем, это на крайний случай, — перебил Гриша. — А вообще-то я надеюсь на удачу. Не зря же я родился под счастливой звездой.

— Разве и у вас верят в звезду? — удивился Ёжо.

— Я не про ту... — Гриша проверил пистолет и сунул себе за пазуху, а Ёже отдал винтовку.

— Ёжо, больше ни о чём со мной не говори, с этой минуты я — глухо-немой.

— Зачем?

— Потом поймёшь!

БОЖЕНА мыла посуду на кухне. За окном сверкала молния, гремел гром и ветер хлестал в стёкла крупным густым дождём.

В гостиной хозяйка играла на рояле. Она любила играть в непогоду...

Дети уже спали.

Хозяин в своём кабинете время от времени звонил по телефону. И потом подолгу молчал, наверное, что-то писал.

Что ему писать? Арестовал человека, посадил и крышка. Так нет, всё пишет и пишет.

— Ой! — Божена вздрогнула. Показалось, что кто-то смотрит на неё. Глянула в окно и оцепенела.

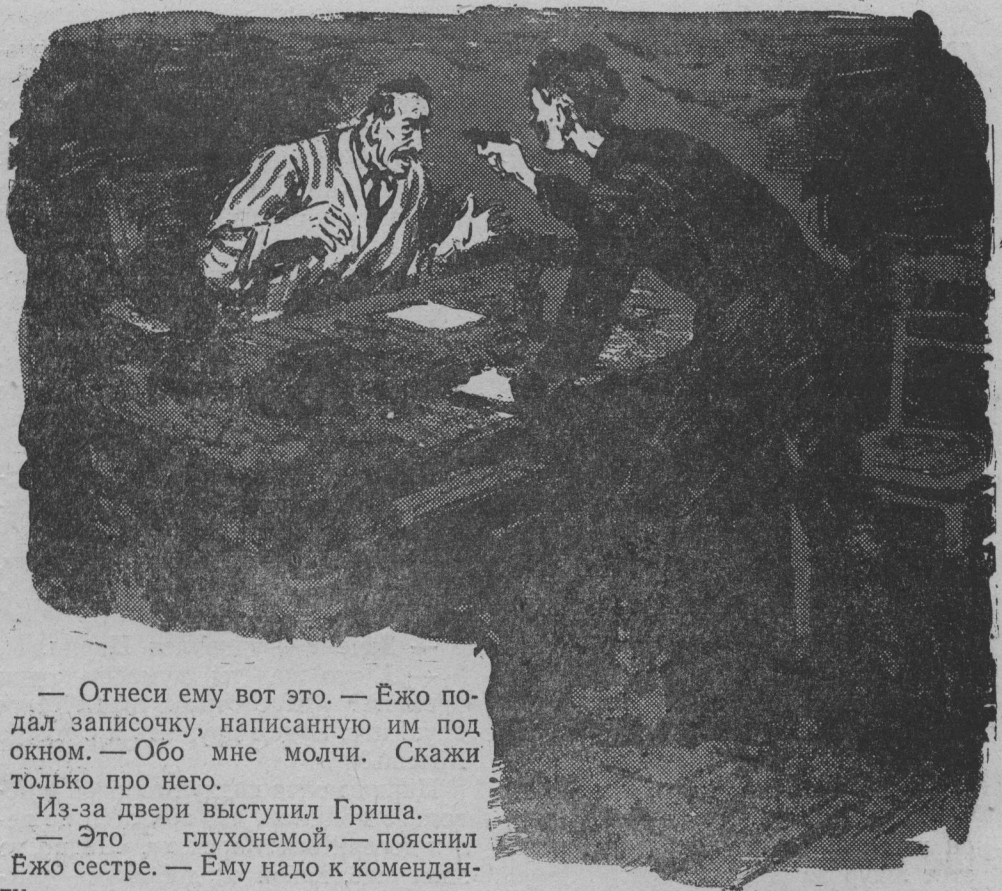
Прильнув к мокрому стеклу, так что расплющился нос, за окном стоял Ёжо и умоляюще смотрел на сестру. Она яростно махнула рукой: мол, присядь. И пошла открывать дверь коридорчика, выходящего в сад.

Увидев на груди брата винтовку, Божена чуть не закричала.

— Кто у коменданта? — подступив к ней, тихо спросил Ёжо.

Божена качнула головой: никого.

— Отнеси ему вот это. — Ёжо подал записочку, написанную им под окном. — Обо мне молчи. Скажи только про него.

Из-за двери выступил Гриша.

— Это глухонемой, — пояснил Ёжо сестре. — Ему надо к коменданту.

— Партизан? — с какой-то невинной детской радостью спросила Божена.

— Молчи! — цыкнул Ёжо. — Просто глухонемой.

Божена понимающе кивнула и убежала.

Вскоре она вернулась в сопровождении хозяина, высокого, крепко сложенного человека, одетого в полосатую зелёную пижаму. Правую руку он держал в кармане пижамы. Гриша понял, что в кармане у коменданта — пистолет. Остановившись на пороге слабо освещённого коридорчика, комендант замахал свободной рукой, как это делают те, кто не умеет говорить с глухонемым.

Гриша жестами потребовал бумагу и карандаш. Комендант впустил его на кухню. Но Гриша показал на Божену, на окно и, помахав головой, сморщился так, будто съел что-то очень кислое. Комендант понял: Божена мешает их откровенному

«разговору». Покосившись на мокрую, рваную одежду глухонемого, он махнул рукой: идём.

Вошли в кабинет. Комендант сел за письменный стол, освещённый настольной электролампой под зелёным абажуром, и, указав «глухонемому» стул, быстро набросал на листе бумаги несколько слов:

«Кто вы? Зачем? Откуда?»

Пока он писал, Гриша вынул из кармана маленький чёрный пистолет и, перегнувшись через стол, поставил его на коменданта.левой рукой глухонемой властно махнул, требуя, чтобы хозяин встал и поднял руки. Комендант молча повиновался.

Чёрное дуло пистолета, гипнотизируя и замораживая, смотрело прямо в переносицу. Но страшнее пистолета были цепкие, вонзившиеся в самую душу чёрные глаза глухонемого. Красный, подёргивающийся шрам на щеке, белый широкий рубец на лбу красноречиво говорят о том, что

«глухонемой» из тех, кто прошёл огонь и воду и, конечно, сумеет во-
гнать пулю в лоб.

«Хорошо, если ему нужны деньги и только, а вдруг это партизан?» — с замиранием сердца думал комендант, пока глухонемой шарил по его карманам.

Вынув пистолет из кармана пижамы, глухонемой дал знак опустить руки и сесть. Комендант облегчённо вздохнул и опустился в кресло.

На этом можно было перестать притворяться глухонемым.

Главное достигнуто — комендант обезоружен и в доме никакого переполоха. Остаётся потребовать от него позвонить в комендатуру и вызвать к себе, якобы для допроса, Лонгавера.

Но именно эта уверенность, что главное сделано, что враг обезоружен, и подвела Гришу Кравцова. Он заметил, однако не придав значения тому, что, опуская руки, комендант прижал к себе шнур от настольной лампы. А минутой позже, делая вид, что поудобнее устраивается в кресле, он наклонился вперёд и выдернул этот шнур из розетки.

Комната провалилась во тьму.

Первая мысль — выстрелить и бежать. Но Гриша сразу же почувствовал, что врага перед ним уже нет, что он где-то сбоку или даже позади. Гриша отпрянул к порогу, но на полпути тяжёлый удар по голове свалил его с ног. Перед глазами брызнули и погасли большие жёлтые искры...

ЦИРИЛ вышел из хлева с большой корзиной навоза на спине. Остановился. Поправил ремни, глубоко врезававшиеся в плечи. Усталыми, глубоко запавшими глазами окинул далёкий путь на гору и вздохнул тяжело, как старый, много видавший горя человек.

«Многовато наложил, пуда полтора!» — подумал он.

Но отбавлять не стал.

Глубоко вытоптанная сырая тропа карабкается между соснами, тоже словно взбирающимися на крутую гору.

На второй день после похорон отца к Цирилу пришёл Маречек и прямо с порога сказал:

— Собирайся. Возьми рубашку, штаны и всё, что есть у тебя. Пойдём ко мне.

— Зачем? — удивился Цирил.

— А что же, ты думаешь один прожить? Мы с отцом твоим были друзьями. Будем дружить и с тобой. Хочешь?

Цирил молча кивнул головой и невольно подумал, что зря отец не велел доверяться Маречеку. «Видно, не знал ещё, какой он добрый», — мысленно оправдывал он покойного отца.

— После войны я отдам тебя в город учиться. А пока что... — Маречек насторожённо глянул в одно и другое окно и добавил: — А пока что вместе будем фашистов громить...

После этих слов Цирил, уже не задумываясь, начал собирать свои вещи.

И в этот же вечер, сидя в тёплой, уютной комнате вдвоём со своим новым отцом, Цирил получал первое боевое задание.

Маречек рассказывал, что где-то недалеко от Туречки, в горах скрываются парашютисты, к которым ушел Ежо Стишак. Хорошо бы найти их и установить связь. Может, удалось бы организовать свой партизанский отряд.

— Только если встретишь кого из них, — ни слова о том, что это я тебя послал, — предупреждал Маречек. — Ребятам они больше доверяют. А пока-

жись им я, сразу уйдут. Ты только узнаешь, где они живут, а я потом организую делегацию и пойдём на переговоры.

Цирил был на седьмом небе от радости и утром, чуть свет, отправился в горы. В первый день он никого не увидел. А на второй, чтоб не вызвать подозрения у гардистов, Маречек посоветовал отнести навоз на огород в горах. Огород этот он считал теперь своим.

Маленький клочок земли, которым кормились отец и мать, деды и прадеды Цирила Ковача, находился в семи километрах от дома, за двумя высокими лесистыми перевалами. По крутой тропинке, политой слезами и потом предков, шёл теперь и Цирил.

Красивы склоны гор, покрытые лесом. Хороши перелески да зелёные поляны у водопадов, веселы берёзовые чащи, где с журчаньем ручьёв спорят голосистые птичьи хоры. Но всё видишь и слышишь, когда идёшь налегке, ради прогулки. А какое проклятье взбираться по стремительно крутой тропе с тяжёлой корзиной навоза! Не легкое это дело для взрослого, а Цирилу ж только тринадцать лет.

Тяжела, страшно тяжела эта вонючая корзина! Мальчик чуть не плакал, но шёл вперёд и вперёд: сам виноват, что набрал полную! С этой корзинкой на спине он был похож на муравья, подхватившего тяжесть во много раз большую его самого. Цирил изогнулся, низко опустил голову, руками упёрся в колени, дышал тяжело и часто. Со лба по запялённому лицу грязными струйками стекал пот. На подбородке он собирался в крупные капли и падал под ноги.

Кругом — ни души. Да хотя бы кто и встретился, разве помог бы?! У каждого своё горе и свои заботы.

Помощи не жди. Наоборот, всё вокруг мешает. Ветки сосен распустили свои широкие иглистые лапы

и колют лицо. Камушки попадают под ноги самыми острыми углами. Мешало даже солнце: то припекало затылок, то било в глаза.

Пять километров шёл Цирил без остановки и так без передышки хотел дойти до самого поля, как делал когда-то его отец. Но тяжесть оказалась не по силам. Уже на полпути у Цирила одеревенела спина, заболел живот, хоть плачь.

И Цирил не вытерпел. Поставил корзину на высокий пенёк, чтоб легче было потом поднимать, и лёг на спину, разметав руки и ноги на траве.

Долго лежал он так, сердясь на солнце, которое жгло так, что полотняная рубашка прилипла к спине.

С завистью думал Цирил о Ежо. Тот теперь где-нибудь у прещовских или зволенских партизан, и, может быть, получил настоящий автомат или два пистолета за пояс... Попробуй, найди его теперь.

Незаметно для себя Цирил вполголоса запел старинную песню, которую, может быть, под этим же деревом и в таком же изнеможении пели отец его, деды и прадеды:

Сядай, слнко, сядай!

За высоки голи,

А не будешь сядать,

Стянем тя за ноги.

Кеби слнко знало,

Як ми тяжко рабить,

Понахлало б си

За голю заходить.

И солнце, словно услышало просьбу и сжалилось над измученным тружеником, тотчас зашло за гору.

Мальчик вздохнул всей грудью: теперь будет легче идти. Поправил ремни, встал и вдруг услышал хруст веток и шёпот.

— Цирил! Цирил! — звал его кто-то.

Цирил вскочил, оглянулся и под старым развесистым буком увидел Ёжу.

— Ты с винтовкой? — громко спросил Цирил и застыл с открытым от удивления ртом.

— Винтовка партизану нужнее, чем автомат. Экономнее, — словно оправдываясь, заявил Ёжо. — А ты что это... на гардистов стараешься?

— Нужны мне твои гардисты! — обиженно ответил Цирил. — Меня пан Маречек усыновил. А я ему помогаю. Не сидеть же сложа руки...

— Да я только так.

— А ты у партизанов?.. — еле выдавил Цирил. — Вместе с тем русским?

Ёжо внимательно посмотрел по сторонам и, хотя видел, что никого поблизости нет, взял друга за рукав и зашептал на ухо:

— Русского гардисты поймали.

— Что ты! — корзинка упала со спины Цирила и покатилась под гору, рассыпалась.

— Надо в комендатуру сходить, к Лонгаверу. А бабушки Лонгаверихи нет. Я решил найти Маречека, может, онходит.

— Что ты! — возразил Цирил. — Он сам давно на заметке у гардистов! Лучше я. Наберу еды и понесу передачу. А что ему сказать?

— Нет. Тебе тоже нельзя. Лучше сбегай в Стары Горы, позови Божену...

— Сейчас? Позвать сюда?

— К водопаду за Туречкой. Я туда приду.

ГРИША очнулся утром в камере с ржавой железной решёткой на маленьком единственном окне. На полу и нарах вповалку лежали арестованные.

Когда сквозь решётку заглянуло

солнце, люди зашевелились. Начали вставать с нар, прохаживаться по узкой, продолговатой камере. Но Гриша не двигался. В голове у него звенело, перед глазами что-то мельтешило, на душе было пусто. К счастью, никто его не тревожил, хотя почти все уже разговаривали. Он повернулся на бок и в ожидании смотрел на тяжёлую, окованную железом дверь, за которой притаилось всё его будущее.

Вскоре загремели тяжёлые ключи. С хрипом и скрежетом отворилась дверь. На пороге показался здоровенный носатый полицейский.

— Опять Буйвол дежурит, — прошептал кто-то.

— Лонгавер! — крикнул полицейай, не глядя в камеру, чтобы не дышать её спёртым, прокисшим воздухом.

Гриша чуть не вскрикнул, увидев бачу Франтишека, встающего с нар. Только теперь он совершенно пришёл в себя и вспомнил всё, что с ним произошло... Но, вовремя спохватившись, он подавил первое желание броситься к Лонгаверу. Нельзя было и виду подавать, что они знают друг друга.

Старик, придерживаясь рукой за косяк, вышел из камеры. Дверь захлопнулась гулко и плотно, как крышка свинцового гроба.

В камере долго стояла глубокая, гнетущая тишина. Только в ушах звенело после этого хлопка. Все о чём-то сосредоточенно думали. А потом сразу, как по команде, вдруг заговорили о старике. Начали гадать, каким он вернётся, да и вернётся ли вообще.

Лонгавера втолкнули обратно часа через два с разбитой щекой и чёрными кровоподтёками под глазами. Все бросились к нему на помощь. Но он тихо повёл рукой: отстаньте. Отдышавшись, он подошёл к старику, одетому в чёрный, засаленный костюм железнодорожника, что-то шепнул ему и отошёл к окну, под которым на полу лежал Гриша.

Лонгавер молча смотрел в окно, будто любовался солнечным утром. А железнодорожник уже завёл с соседом спор о гардистах. В этот спор

вскоре втянулась вся камера. Каждый, не слушая другого, старался высказать своё мнение о предателях словацкого народа. Сыпались проклятия и беспощадная брань.

До сознания Гриши доходили только отдельные фразы.

— Я только так и не пойму, кто они, эти гардисты, — говорил чей-то простуженный бас.

— Собаки, вот они кто! — железнодорожник даже плюнул со злости. — Да что я говорю. Я вон своему псу покажу лежать в будке, он и лежит. И если кто сунется во двор, горло перегрызёт. А эти сами привели грабителей в дом.

— Зачем тогда допустили их до власти?

— Когда птичку ловят, ей ласково поют. В президенты Ёзеф Тиссо пробрался хитростью да сладкими обещаниями. А хитрости ему не занимать: он же бывший фарар. Обманывать учился у божьего наместника, папы Римского.

В самый разгар этого спора Лонгавер, словно в изнеможении,

опустился возле Гриши и, глядя на дверь, очень внятно прошептал:

— Вас считают глухонемым, бандитом. Продолжайте играть эту роль. Выпустят. Меня не знаете и я вас.

Бача встал и хотел отойти, но Гриша попросил воды. Старик принёс с нар котелок с водой.

Взяв котелок и глядя в глаза наклонившемуся старику, Гриша быстро пересказал всё, о чём просил его Вацлав Гудба.

— Цотак — предатель? — переспросил Лонгавер и, отодвинувшись, пристально посмотрел на юношу, как бы оценивая, в своём ли тот уме. И снова, придвинувшись поближе, спросил, что случилось с Гудбой.

Но тут опять забрякали ключи. И опять раздался железный скрежет двери.

Гардист вошёл в камеру, резиновой дубинкой хлопнул Гришу по плечу и махнул: идём.

Гриша не спеша встал и пошёл медленно, чтобы собраться с мыслями. Сердце забилося часто и тревожно.

но. Казалось, оно стучит в самую голову, так, что в глазах темнеет. Чтобы заставить его биться спокойнее, Гриша начал дышать как можно глубже. Выдохнет и опять вдыхает глубже прежнего. Сердце всё спокойнее, спокойнее. А входя в кабинет коменданта, Гриша уже чувствовал себя готовым здраво обдумывать каждый вопрос. И этому научил его когда-то Вацлав Гудба.

Но допрашивать Гришу комендант не стал. Он посадил его против окна, так, чтобы солнечный свет падал в лицо, а сам сел за большой письменный стол под портретами Гитлера и Тиссо. Затем кивнул дежурному полицая, застывшему у порога. Тот открыл дверь, вошли шесть гардистов и выстроились у стены.

— Старуху! — скомандовал комендант.

Вошла маленькая подслеповатая бабка.

Комендант подвёл её к Грише.

— Он? Говори правду, иначе бог покарает и детей твоих, и внуков, и правнуков.

Старуха пристально посмотрела в глаза начальнику и прощамкала:

— Их было много, и все с пулемётами!

После старухи ввели женщину, которая уговорила Гришу уйти в лес, когда он убил трёх гардистов. Но и эта его «не признала». Комендант ударил её резиновым шлангом. Она смолчала. Тогда полицай, засучив рукава, стал избивать её дубинкой, да так дубинкой и выгнал из кабинета.

Шестнадцать человек прошло перед Гришей. Наконец ввели бачу.

— Ну, пан Лонгавер, вы в камере присмотрелись к этому молодцу? —

кивнул комендант на Гришу. — Тот это, что приходил к вам на Крижну в день убийства гардистов?

— Пан комендант, я вам уже сказал, что в тот вечер никто ко мне не приходил, — спокойно ответил Лонгавер. — А этого юношу я впервые увидел только здесь... А что он натворил? Наверно, приёмник припрятал?

Комендант кивнул полицейскому. Тот схватил у стены широкую скамью, поставил её посредине комнаты и приказал Лонгаверу снять рубашку и лечь.

Четыре гардиста, гулко топая сапогами, вышли из строя. Стали по двое с обеих сторон скамьи.

— Приготовиться! — скомандовал дежурный.

И полицейские стали не спеша застегивать рукава.

Гриша, закусив губу, с ужасом следил за всеми приготовлениями. Мысли в голове его спутались, как паутина, в висках стучало.

Дежурный, ставший над головой Лонгавера, полюбовался чёрной, извивающейся, как змея, резиновой плетью, потом широко из-за спины размахнулся и ударил старика по голове. На худом землистом теле остался красный широкий рубец. Полицейский замахнулся второй раз...

«Убьёт! Убьёт!» — ударяла в голову Гриши мысль. Но, сцепив зубы и насупившись, он молчал.

А когда старик застонал на всю комнату, Гриша бросился в его сторону, но тут же спохватился. Отвернулся к окну.

Его беспокоила только одна неотступная мысль: «Убьют старика! Убьют! Не сможет он передать на волю тайну Вацлава Гудбы! Преда-

тель останется нераскрытым! Погибнут люди! Дело погибнет!»

Но что было делать?

Лонгавер под новым ударом вдруг застонал так, что Гриша не выдержал, забыл обо всём на свете и закричал во весь голос:

— Стой! Стой, гадина! — и, двумя прыжками подскочив к палачу, выхватил тяжёлую резиновую змею.

Гардисты от неожиданности расступились.

Комендант, вскочив из-за стола, застыл на середине кабинета:

— Русский?

— Да! Русский! — вызывающе ответил Гриша, бросил к ногам коменданта чёрную плетё и возвратился на своё место.

— Комсомол?

— Конечно!

— Фамилия?

— Кравцов Григорий Васильевич. Семнадцать лет. Родился в Великом Устюге. Отец рабочий, стахановец, — выпалил Гриша и со злобой спросил: — Что ещё?

— Как вы попали в Стары Горы?

— Бежал из Германии.

— Из Германии? — недоверчиво переспросил комендант. — Сколько времени вы там пробыли?

— Три года.

— Так, — протяжно сказал комендант и, сев за стол, уставился на арестованного, как будто хотел пронзить его взглядом. — Три года? Значит, попали вы в Германию тринадцатилетним?

— Да.

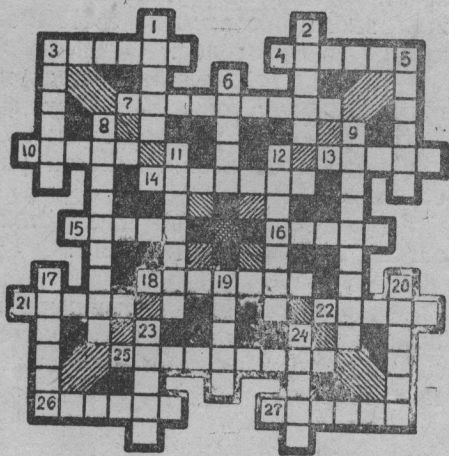
— И уже были комсомольцем? — комендант пристукнул по столу кулаком. — Вы, что же, совсем за дурака меня принимаете? Если поверил, что вы глухонемой, то уж никак не поверю, что идёте из Германии.

(Окончание следует)

КРОССВОРД «СПОРТ»

(Составила Зина Кочеткова)

Отдел ведёт В. Аментьев

По горизонтали. 3. Гимнастический снаряд. 4. Положение в борьбе. 7. Расстояние от старта до финиша. 10. Легкоатлет. 13. Небольшое судно. 14. Город, по имени которого называют бег на самую длинную дистанцию. 15. Состязание в скорости езды. 16. Спортсмен. 18. Спортивное общество. 21. Стиль плавания. 22. Перемещение, переход из одной местности в другую. 25. Соревнование по мотоциклетному спорту. 26. Советский шахматист. 27. Соревнование на гребных или парусных судах.

По вертикали. 1. Заключительная часть спортивного состязания в беге. 2. Советский борец. 3. Спортивный руководитель. 5. Этап прыжка в длину или в высоту. 6. Спортивная одежда. 8. Спортсмен. 9. Спортивная игра. 11. Вратарь киевского «Динамо». 12. Коллектив спортсменов. 17. Состязание в беге на большую дистанцию. 19. Шахматная фигура. 20. Вид спорта. 23. Наездник на скачках. 24. Достижение.

ГОЛОВОЛОМКА

(Составил В. Грязев)

Уголки листка кальки, на котором была написана пословица, загнуты по направлению к центру листка. Так как листок из кальки, то все буквы остались видны, но получилось то, что вы видите на рисунке. Попробуйте прочесть пословицу, написанную на листке.

РЕБУС

Разгадав ребус, прочтёшь пословицу.

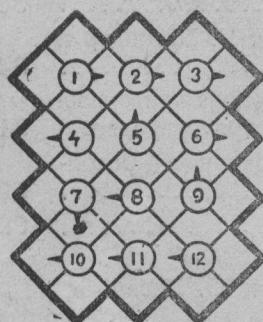
РЕБУС-ЗАГАДКА

ЧЕТЫРЕ БУКВЫ

Географический циклокрессворд.
(Составил А. Стуканов, Минск).

1. Город в Индии. 2. Крупный железнодорожный узел в Гродненской области БССР. 3. Государство в Южной Америке. 4. Столица европейского государства. 5. Государство в Азии. 6. Город в Грузинской ССР. 7. Государство в Азии. 8. Город в Турции. 9. Река в Европе. 10. Город во Франции. 11. Столица скандинавского государства. 12. Река в Сибири.

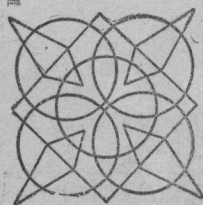

Слова нужно вписывать по часовой стрелке, помещая первые буквы в клетки, отмеченные «колышками».

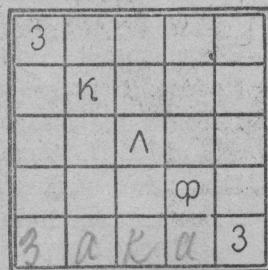
ОДНИМ РОСЧЕРКОМ

(Составил
В. Шелепин)

Нарисуйте эту фигуру одним росчерком — не отрывая карандаша, не проводя линию дважды по одному месту и не пересекая своего пути.

МАГИЧЕСКИЙ КВАДРАТ

Какие буквы нужно вписать в пустые клетки, чтобы получилось пять пятибуквенных слов и чтобы каждое слово читалось дважды — один раз по горизонтали и один — по вертикали?

Проверь себя

(Ответы к «Искорке» № 10)

КРОССВОРД

ПО ВЕРТИКАЛИ. 1. Калина. 2. Со-рока. 3. Факир. 4. Напор. 5. «Де-мон». 6. Хитин. 8. Кофе. 10. Пума. 13. Секач. 15. Канат. 19. Кефир. 20. Икар. 21. Таран. 22. Анатом. 23. Аконит. 24. Басон. 25. Атос. 26. Ке-тон.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ. 4. Народ. 7. Накал. 9. Репин. 11. Копи. 12. Омуг. 13. Сифон. 14. Комик. 16. Церера. 17. Ананас. 18. Ракита. 23. Абакан. 27. Чекан. 28. Катет. 29. Фара. 30. Осот. 31. Пират. 32. Носов. 33. Но-гин.

ЧАЙНВОРД «СОВЕТСКАЯ АВИАЦИЯ»

1. Чкалов. 2. Вертолёт. 3. Триплан. 4. Нестеров. 5. Винт. 6. Талалихин. 7. Небосвод. 8. Друг. 9. Гризодубова. 10. Аэростат. 11. Торпеда. 12. Авиация. 13. Яма. 14. Ас. 15. Сим-вол. 16. Ломоносов.

ЗАДАЧА БУКВ

Ясень, берёза, ольха, кедр, осина, орешник, ива, граб, рябина, дуб, можжевельник, клён, лиственница, сосна.

СОДЕРЖАНИЕ

Дворцовая площадь. Стихотворение Ник. Кутова ..	1
Добрый огонь. Воспоминания Героя Социалистического Труда В. Я. Карасёва.....	2
С клинком в руке. Очерк Л. Шестакова	10
Плакат. Стихотворение Миши Каледина	14
Песенка про звёздочку. Слова З. Александровой, музыка Н. Садового	15
Как, зачем и почему? Стихи С. Погореловского	16
Колыбельная. Летят журавли. Комары. Утро. Осень. Стихи Платона Воронько в переводе Александра Прокофьева	18
Вова и Лёва. Новогодняя шутка в одном действии С. Диманта и М. Краснера	22
Как поставить спектакль. Советы режиссёра С. Диманта	30
Радости и горести. Повесть в письмах К. Шнейдер и Н. Теребинской	34
Дружба. Стихотворение Павла Воронова (авторизованный перевод с белорусского Игоря Григорьева) ..	51
Валашка Яношика. Повесть Андрея Дугинца (продолжение)	52
Клуб смекалистых ребят	62

На первой странице обложки — рисунок Ю. Лобачёва.
На второй странице обложки — фотоочерк Г. Сафонова «Памятные места».
На третьей странице обложки — фотоочерк Г. Сафонова «Музей Ленина в Тампере».
На четвёртой странице обложки — рисунок А. Илючека «С демонстраций».

Редактор М. С. ЗЫКОВА

Адрес редакции: Ленинград, Центр.
 Фонтанка, 57. Тел. А-4-54-90.

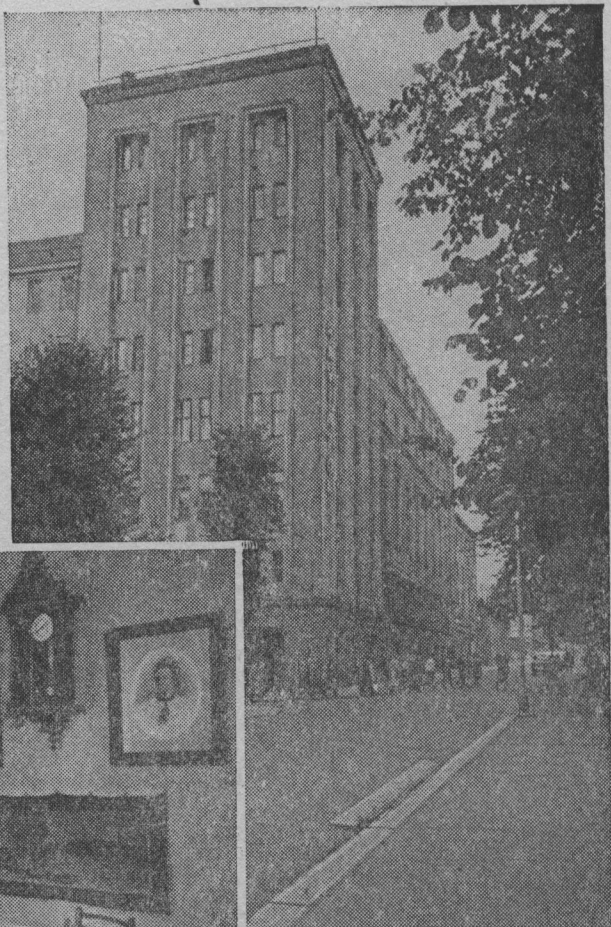
Сдано в набор 10/X 1958 г. Подписано к печати 10/XI 1958 г. 4 печат. листа.
 Учёт.-изд. 6,19. М-33725. Заказ № 1508. Формат бумаги 70 × 108¹/₁₆. Цена 1 рубль.
 Тираж 75 000.

Типография им. Володарского Лениздата, Ленинград, Фонтанка, 57.

Музей В. И. Ленина в Тампере

В декабре 1905 года в финском городе Тампере (шведское название — Таммерфорс) состоялась Первая конференция Российской социал-демократической рабочей партии. Высокое облицованное гранитом здание, где проходила конференция, сейчас занято Рабочим домом (клубом). Каждый, кто приезжает в Финляндию, старается побывать в этом доме. Здесь устроен Музей В. И. Ленина. Простые люди Финляндии

бережно сохранили обстановку, связанную с жизнью Владимира Ильича: фотографии, книги, домашнюю утварь. Музей помещается в зале, где проходила Таммерфорская конференция.

В книге посетителей Музея множество записей на финском, шведском, русском, китайском, английском и других языках мира.

В сентябре этого года наш фотокорреспондент Г. Сафонов побывал в Тампере и сделал несколько фотоснимков. На них вы видите здание Рабочего дома, комнату Владимира Ильича и посетителей, осматривающих экспонаты музея.

Цена 1 рубль.

